

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2025. № 3 (33)

Научный рецензируемый журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2025

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2025

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2025. № 3 (33)

Scientific peer-reviewed journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI № FS 77 – 85231 dated 25.04.2023.

**© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2025**

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St.,
Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2025

2025. 3 (33)

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, зав. кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досияс университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Б. П. Ашрапов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова» (Республика Таджикистан, Худжанд);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, профессор кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Рисунок на обложке сгенерирован GigaChat на основе промта С. В. Рудаковой, д-ра филол. наук, зав. кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

2025. 3 (33)

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Bahodurjon Pulotovich Ashrapov – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of linguistics and comparative typology attached to the faculty of Foreign languages under the SEI «Khujand State

University named after academician B. Gafurov» (Tajikistan Republic, Khujand-city);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova– Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor of the Department of Foreign Languages in technical areas, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

The picture on the cover is generated by GigaChat on the basis of the prompt of S. V. Rudakova, Doctor of Philology, Head of the Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

Гурченко А. П., Цуркан В. В. СТРАТЕГИИ
ЭКСПЕРИМЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО
1914–1919 ГГ. 13

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

Тхагазитов Ю. М. РАЗВИТИЕ ЭПИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КЕШОКОВА (ШТРИХИ
К МЕТОДОЛОГИИ) 24

РАЗДЕЛ III. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

Ганбарова Н. Г. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС КАК ПОЛЕ
ЭТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЯЗЫК, СТИЛЬ,
ИДЕОЛОГИЯ 33

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

Нурутдинова А. Р. СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЧЕРЕЗ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЛОКУСЫ (ЗУБЫ /
ЯЗЫК) В РАМКАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ТРЕХ
ЛИНГВОКУЛЬТУР 43

РАЗДЕЛ V. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Сабеева Э. К. ДИДАКТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ
В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ГЕЙМИФИКАЦИЯ
КАК ДРАЙВЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ 63

РАЗДЕЛ VI. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Главнов К. С., Нурутдинова А. Р.</i>	ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В МЕДИАПЕРЕВОДЕ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ «ЛИНИЯ СУДЬБЫ» ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ В «СЮЖЕТАХ» ЕЕ «ДНЕВНИКА»	76
---	---	----

АВТОРАМ

89

CONTENTS

РАЗДЕЛ I. POETICS OF LITERATURE

Gurchenok A. P., Tsurkan V. V. EXPERIMENTAL STRATEGIES IN THE WORKS OF V. MAYAKOVSKY OF 1914–1919 12

PART II. PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS: TRADITIONS, TYPES AND CONCRETE EXAMPLES

Tkhagazitov Y. M. EPIC THINKING DEVELOPMENT IN A. KESHOKOV'S CREATIVITY (METHODOLOGY FEATURES) 24

PART III. LINGUISTIC POETICS. RHETORIC

Ganbarova N. H. LITERARY DISCOURSE AS A FIELD OF ETHICAL TRANSFORMATIONS: LANGUAGE, STYLE, IDEOLOGY 33

PART IV. CULTURAL LINGUISTICS AND COUNTRY-SPECIFIC STUDIES

Nurutdinova A. R. COMPARATIVE-CONTRASTIVE PARAMETERIZATION OF SOMATIC REPRESENTATIONS VIA PERIPHERAL LOCI (TEETH/TONGUE) WITHIN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THREE LINGUOCULTURES 43

PART V. THE METHODOLOGY OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

Sabaeva E. K. DIDACTIC SCENARIOS IN PHILOLOGICAL EDUCATION: GAMIFICATION AS A DRIVER OF LINGUO-CREATIVE COMPETENCE FORMATION 63

**PART IV. TRANSLATION
AND TRANSLATION STUDIES**

Glavnov K. S., Nurutdinova A. R. LEXICO-SEMANTIC
TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING ENGLISH-
LANGUAGE MEDIA DISCOURSE INTO RUSSIAN 76

TO AUTHORS 89

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-1+791.2

ББК 83.3+85.347

А. П. Гурченко¹

ORCID: 0009-0006-9804-6016

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
gurchenok.anna@yandex.ru*

В. В. Цуркан²

ORCID: 0000-0002-0096-960X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravts2013@yandex.ru*

СТРАТЕГИИ ЭКСПЕРИМЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО 1914–1919 ГГ.

В статье рассматриваются экспериментальные стратегии В. Маяковского в поэтическом и изобразительном творчестве, его новаторство в контексте единства вербального и визуального искусств, что связано с актуальной в современном литературоведении тенденцией отказа от идеологической оценки эстетики и структуры художественного мира поэта. Предлагается подход, который позволяет увидеть плакатное творчество В. Маяковского как поле для реализации стратегий эксперимента, намеченных в его ранних поэтических и живописных произведениях. Авторы статьи указывают на правомерность исследования новаторской эстетики в творчестве поэта 1914–1919 гг. в опоре на принципы проективности, сдвига и энантиосемии, на которых базировалось искусство кубофутуристов. В статье анализируются способы реализации указанных принципов в русском авангарде первой трети XX века и в творчестве

¹ Гурченко Анна Павловна, бакалавр филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

В. Маяковского. Исследуется влияние на плакатное творчество В. Маяковского лубочной сатиры, которая, несмотря на запреты и препоны со стороны государства, имела широкое распространение в периоды войн и революций. Обращается внимание на то, как, призывая современников вернуться к изучению народного творчества, обратиться к «живописной душе» России, В. Маяковский выстраивал оригинальную эстетическую концепцию, в которой превращение зрительных метафор в поэтическую норму, соединение революционных способов воздействия на аудиторию с использованием приемов примитивного искусства (народной иконописи, этнических и лубочных мотивов) становились не просто возможностью разработки новых художественных форм, а действенным способом демократизации культуры в целом, восстановления связи между художником и народом через революционный плакат.

Ключевые слова: В. Маяковский, авангард, эксперимент, плакат, лубок

Введение

Исследование художественного мира В. Маяковского не теряет актуальности, что объясняется сложностью и противоречивостью эпохи, в которой жил поэт, а также состоянием современного маяковсковедения, в котором возник ряд альтернативных интерпретаций творчества «трибуна революции» [5; 11; 17; 18]. Как нам представляется, анализ экспериментальных аспектов искусства, новаторства В. Маяковского в контексте вербального и визуального в отечественном литературоведении остается фрагментарным. Цель статьи – углубить представления об изобразительности поэзии В. Маяковского, показать, как авангардные концепции художественного слова и живописного образа отразились в переосмыслении традиций лубка, реализованных в плакатном творчестве поэта в 1914–1919-е гг.

Основная часть

1. Концепция художественного образа в творчестве В. Маяковского

Концепция живописного и поэтического образа в творчестве В. Маяковского основывалась на принципах проективности, сдвига и энантиосемии. На них базировалось искусство русских футуристов, в котором одним из «важных способов подачи текста становилась визуализация» [6, 402].

а) Принцип проактивности искусства

В отечественном авангарде господствовали две стихии: разрушение и созидание. Эксперимент или «художественный произвол» [13, 43] считался основой искусства. В то же время футуризм стремился к созиданию нового мироустройства. По словам А. Сарабьянова, в творчестве художников происходили интуитивные, логически необъяснимые и не отмеченные современниками прорывы, в которых отражались научные открытия будущего [12, 109–110]. Эта тенденция отразилась в программном тезисе В. Маяковского: «Искусство умерло <...>. Да здравствует искусство!» [9, I, 302]. Как отмечает Е. Бобринская, «языковые эксперименты отражали поиск новых контуров искусства в мире машин и массового общества» [1, 8]. Лингвистическая философия основывалась на триаде «человек – время – слово» [10, 335]. В. Маяковский стремился к тому, чтобы использовать слово не только как средство выражения мысли, но и как способ пробудить у читателя стремление к преобразованию всех жизненных устоев.

б) Принцип сдвига

О «каноне сдвинутой конструкции», на котором были построены «все варварские народные искусства» [2, 101], писал Д. Бурлюк в статье «Кубизм». Согласно основоположнику русского футуризма, принцип сдвига выражается в нарушении перспективы, пропорций, в разложении объектов на части, рассечении, распылении – и, наоборот, в их неожиданном сращении, сложении, стыковании. Это стремление «развоплотить» материальный мир и сблизить необъединимое было связано с новым взглядом на задачи искусства: в русском авангарде XX века изображение реального мира считалось простым копированием. У В. Маяковского, на первый план выходила задача показать индивидуальное видение, субъективную, понятную только посвященным символику; внешняя форма при этом обретала самостоятельную, часто доминирующую роль. В раннем творчестве образы у В. Маяковского преимущественно деформированы, сопоставимы с условной, эмоционально насыщенной конструктивной живописью, творимой по принципу «сделанности». В. Маяковский-поэт «оживляет» вещи, помещая их в новый, урбанистический контекст. В стихотворении «А вы могли бы?» (1913) несочетаемые образы объединяются в натюрморт при помощи ярких метафор: «Я сразу смазал карту будня / Плеснувши краску из стакана; / Я показал на блюде студня / Косые скулы океана» [9, I, 40]. Элементы живописного авангардизма трансформированы в систему урбанистических образов и в «Уличном» (1913): «А сквозь меня

на лунном сельде / скакала крашенная буква» [9, I, 37] К. Малевича говорил, что стихотворение В. Маяковского «Из улицы в улицу» (1913) может считаться наиболее удачным опытом «стихотворного кубизма». Прием сдвига реализуется в нем не только на уровнях омонимии («У- / лица»), палиндромии («Лица / у / догов годов рез- / че»), обогащения лексики («выпестрить», «безузорной»), но и использования приема монтажа, когда для создания динамического эффекта происходит быстрое переключение с одного объекта на другой [цит.по: 14, 93]. Новаторство заключалось и в том, что поэт «превратил зрительную метафору в поэтическую норму и ввел ее в самую серьезную лирику» [8, 78].

б) Принцип энантиосемии

Принцип, предполагающий совмещение в одном образе противонаправленных смыслов, или «противосмыслие» [4, 80-81], обеспечивал целостность авангардной картины мира на всех её уровнях. В. Кандинский, рассуждая о проблеме формы – абстрактной или предметной – в ее соотношении с содержанием, писал, что «величайшее отрицание предметного и есть его величайшее утверждение», а «величайшее внешнее различие становится величайшим равенством во внутреннем» [7, 269-271]. Е. Бобринская указывает, что авангардисты, создавая заумный язык и обесмысливая «каталог образов», выражали протест против социальной направленности искусства [1]. В. Маяковский в отличие от собратьев по цеху, стремившихся вырваться из ограничений стандартного языкового мышления, в своих словообразовательных экспериментах стремился к сближению слова со стихией разговорной городской речи, с языком улицы, который характеризуется таким же повышенным переживанием формы, как и язык поэзии. По словам Г. Винокура, всякое новшество имеет у В. Маяковского «один и тот же результат – преодоление автоматического характера языковых связей, воскрешение единства формы и содержания в слове, устранение “пустой формы”» [3, 131].

Другим аспектом реализации принципа энантиосемии в творчестве В. Маяковского, стало соединение революционных способов воздействия на аудиторию с использованием приемов примитивного искусства (древней народной иконописи с её неподражательными, условными принципами изображения, детского рисунка с его непосредственным чистым взглядом на вещи, этнических и лубочных мотивов).

2. *Переосмысление традиций лубка в творчестве В. Маяковского*

Эта тенденция отразилась в плакатах военной тематики, созданных К. Малевичем и В. Маяковским в 1914 году, затем – в рисунках В. Маяковского в альбоме «Герои и жертвы революции» (1917–1918) и, в конце концов, в «Окнах РОСТА».

Поступив в 1911 году в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, В. Маяковский, по собственному выражению, «ревинстинктом» поддерживал «самостоятельных» студентов-художников – И. Машкова и М. Ларионова, которые отказались следовать реалистической традиции в пользу новых веяний: сезаннизма, фовизма, наивного искусства. Сильнейшее влияние на плакатное творчество В. Маяковского оказал стиль политической народной картинки – лубочной сатиры, которая, несмотря на запрет государственного уровня, получила широкое распространение с середины XIII до середины XIX века. Картинки эти относились к событиям и личностям, влияние которых особенно сильно отразилось на жизни народа: например, известность получила сатира раскольников на Петра I и его реформы – лубок «Мыши kota погребают», бытовавшая в народе в различных вариациях. Такой стиль отличало своеобразие композиции – деление сюжета на составные части, сочетание рисунка с текстом, приемы графического упрощения образов, условная раскраска [15, 13].

Начиная с середины XIX века и вплоть до Февральской революции в России шла пора деградации народного лубочного искусства. Попытки его возрождения под руководством Л. Толстого с участием И. Репина, А. Бема и других мастеров не помогли вернуть традиции самобытного реалистического лубка в широком масштабе. Само слово «лубок» стало синонимом кустарщины, а произведения этого стиля исчезли из обихода. Только в периоды войн лубки снова начинали производить как самое недорогое и непритязательное средство шовинистической пропаганды: так было в турецкую войну 1877–1878 гг., в русско-японскую 1904 г. и в империалистическую 1914–1917 гг., когда на выставке «Война и печать» было представлено около трехсот лубков. Однако качество этих работ не оставляло надежд на возрождение стиля: художники переносили в лубок наиболее грубые приемы иллюстративной живописи, переходя к примитивной и навязчивой бытовщине.

В декабре 1914 г. статье «Как бы Москве не остаться без художников» В. Маяковский призывал художников «вернуться к изучению народного творчества», «идти от жизни, а не от картин»,

«откопать живописную душу России» [9, I, 336]. В том же году В. Маяковский выполнил рисунки для издательства «Сегодняшний лубок», где опирался на указанные традиции. Он умело использовал народные стереотипы, открыто следуя традициям лубка: специфически трактовал пейзажи (облака, поля, холмы, море), стилизовал бытовые и экзотические детали, создавал примитивно-шаржированные фигуры. Интерес к ним чувствуется и в карикатурных портретах 1912–1922 гг., выполненных карандашом, углем, тушью и даже сигаретным окурком: автор не боялся экспериментировать с материалами. Подобного рода графические зарисовки появлялись на протяжении всей жизни поэта в черновиках и личной переписке. В. Маяковский создавал блестящие шаржи на известных деятелей искусства: Д. Бурлюка, К. Чуковского, И. Репина, Н. Евреинова, Г. Гнесина, П. Потемкина, а также на самого себя.

После революции 1917 года В. Маяковский дает лубку новую жизнь, ставя его на службу потребностям народа. Первые агитационные лубки он сделал, откликнувшись на предложение М. Горького, полагавшего, что народ нуждается в новом слове и живой, яркой картинке. М. Горький предложил остросоциальную тему: свержение самодержавия. Первой целевой аудиторией поэта-художника стали рабочие и солдаты. Работы В. Маяковского, соответствующие этому заданию (лубки «Царствование Николая Последнего» и «Забывчивый Николай»), сопровождавшиеся стихотворными сатирическими подписями, были напечатаны горьковским издательством «Парус». В 1918 г. была издана серия сатирических рисунков В. Маяковского с текстами-эпиграммами «Герои и жертвы революции». Комизм в них достигался снижением образов, выбором ситуаций, где персонажи, изображенные в реальных обстоятельствах, выглядели нелепыми и смешным.

Аналогичные приемы использовал В. Маяковский в сатирических двустушиях, которые составили в 1919 году «Советскую азбуку». Подобные пародийные азбуки создавались и ранее, например, одна из них была опубликована в журнале «Сатирикон» в 1908 г. Традиции азбук также восходят к народному художественному лубку – азбуки были рассчитаны на популяризацию простейших сведений из разных областей знаний. Иллюстративное оформление лубочных азбук было минималистичным: на первом плане оказывался текст, дополненный мелкими рисунками, обычно орнаментальными. В. Маяковский делает карикатурные изображения полноправными элементами страниц своей азбуки, а также придает ей выраженную сатирическую направленность, задавая рисункам вместо поучительного обличительный и агитационный характер.

Заключение

Деятельность В. Маяковского-экспериментатора в 1914–1919 гг. способствовала формированию особого стиля сатиры, который в полную силу будет реализован в плакатном творчестве поэта в первой половине 1920-х гг. Размышляя о работе над «Героями и жертвами революции», В. Маяковский писал: «Эта папка развилась в будущем во весь революционный плакат. Для нас – главным образом в “Окна сатиры РОСТА”» [9, XII, 152]. Создание плакатов было для В. Маяковского не просто возможностью разработки новой формы искусства, а способом демократизации культуры в целом. Специфику образа лирического героя В. Маяковского современные исследователи видят «в равноправии, одновременности, взаимопроникновении различнейших и, казалось бы, несовместимых аспектов внутреннего человека», в котором «на равных правах живут самые крайние противоположности» [16, 172]. Возможно, это и стало одной из причин того, что ранее приветствовавший крайнюю субъективность в поэзии и живописи В. Маяковский открыл для себя в лубочной сатире новаторскую форму тесной связи художника и народа.

Список источников

1. Бобринская Е. А. Русский авангард: границы искусства. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 304 с.
2. Бурлюк Н. Д. Кубизм // Пощечина обществу вкусу / Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, А. Е. Крученых [и др.]. Москва: Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. С. 95–110.
3. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. Москва: Советский писатель, 1943. 136 с.
4. Гирин Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. 400 с.
5. Горб Б. И. Шут у трона революции. Внутренний сюжет творчества и жизни поэта и актера Серебряного века Владимира Маяковского. Москва: Улисс-Медиа, 2001. 612 с.
6. Зайцева Т. Б., Цуркан В. В., Весельева А. О. Репрезентация творчества А. Блока в видеопоззии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 2. С. 401–406.
7. Кандинский В. В. К вопросу о форме // Семиотика и авангард: Антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Москва: Академический Проект; Культура, 2006. С. 264–276.
8. Кравченко Т. Ю. Живописный образ В. Маяковского в аспекте интермедийного анализа // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 74–80.

А. П. Гурченко, В. В. Цуркан

9. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. [Электронный ресурс] / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Художественная литература, 1955–1961. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms0.html> (дата обращения: 09.07.2025).

10. Неверов Е. А. Лингвистическая игра как стратегия в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов VI Международной молодежной научно-практической конференции*, 14–15 октября 2020 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2020. С. 354–357.

11. Покотыло М. В. Альтернативное прочтение сатиры В. В. Маяковского в современном литературоведении и критике [Электронный ресурс] // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 3 (45). URL: <https://research-journal.org/archive/3-45-2016-march/alternative-interpretation-of-v-mayakovsky-in-modern-literary-criticism-and-critique?ysclid=mcww4kb9ce341144582> (дата обращения 09.07.2025).

12. Сарабьянов А. Д. Русский авангард. И не только. Москва: Издательство АСТ, 2023. 304 с.

13. Сахно И. М. Русский авангард. Живописная теория и поэтическая практика. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 352 с.

14. Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. Москва: Гилея, 2006. 557 с.

15. Эвентов И. С. Маяковский-плакатист: критический очерк. Москва; Ленинград: Гос. изд-во «Искусство», 1940. 74 с.

16. Эткинд Е. Г. Там, внутри // *Revue des Études Slaves*. 1996. № 68-2. С. 159–183.

17. *Night Wraps the Sky: Writings by and about Mayakovsky* / edited by M. Almereyda. NY: Farrar, Straus and Giroux. 2008. Pp. XXVII + 272.

18. Sundaram, Ch. *Manufacturing culture: The Soviet State and the Mayakovsky Legend, 1930–1993: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy* / Ch. Sundaram. Toronto, 2000. 373 p.

REFERENCES

1. Bobrinskaya E. A. *Russian avant-garde: the boundaries of art*. Moscow: New Literary Review, 2006. 304 p. (In Russ.)

2. Burluk N. *Cubism // A slap to public taste* / D. Burluk, N. Burluk, A. Kruchenykh [et al.]. Moscow: Ya. Dankin & Ya. Khomutov, 1913. Pp. 95–110. (In Russ.)

3. Vinokur G. Mayakovsky as an innovator of the language. Moscow: Soviet writer, 1943. 136 p. (In Russ.)
4. Girin Yu. N. A picture of the world of the avant-garde era. Avant-garde as a system integrity. Moscow: IMLI RAN, 2013. 400 p. (In Russ.)
5. Gorb B. I. Jester at the throne of the revolution. The inner plot of work and life of the poet and actor of the Silver Age Vladimir Mayakovsky. Moscow: Ulysses-Media, 2001. 612 p. (In Russ.)
6. Zaitseva T. B., Tsurkan V. V., Veseleva A. O. Representation of a Blok's creative work in video poetry // *Philology. Theory & Practice*. 2024. Vol. 17. № 2. Pp. 401–406. (In Russ.)
7. Kandinsky V. V. For the question of form // *Semiotics and the avant-garde: an Anthology* / ed.-comp. Yu. S. Stepanov, N. A. Fateeva, V. V. Feshchenko, N. S. Sirotkin. Moscow: Academic Project; Culture, 2006. Pp. 264–276. (In Russ.)
8. Kravchenko T. Yu. The picturesque image of V. Mayakovsky in the aspect of intermediate analysis // *Herald of the Khakass State University named after N. F. Katanov*. 2014. № 10. Pp. 74–80. (In Russ.)
9. Mayakovsky V. V. The complete works: in 13 vol. [Electronic source] / USSR Academy of Science. M. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Fiction, 1955–1961. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms0.html> (accessed 09.07.2025). (In Russ.)
10. Neverov E. A. Language game as a strategy in the novel by E. Vodolazkin “Aviator” // *World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: Collection of VI International youth scientific and practical conference, October 14–15, 2020* / scientific. ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk: publishing office of Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2020. (In Russ.)
11. Pokotylo M.V. Alternative interpretation of V. Mayakovsky in modern literary criticism and critique [Electronic source] // *International Research Journal*. 2016. № 3 (45). URL: <https://research-journal.org/archive/3-45-2016-march/alternative-interpretation-of-v-mayakovsky-in-modern-literary-criticism-and-critique?ysclid=mcww4kb9ce341144582> (accessed 09.07.2025). (In Russ.)
12. Sarabyanov A. D. Russian avant-garde. And not only. Moscow: AST, 2023. 304 p. (In Russ.)
13. Sakhno I. M. The Russian avant-garde. Painting theory and poetic practice. Moscow: Dialog-MSU, 1999. 352 p. (In Russ.)
14. Khardzhiev N. I. From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected works on Russian futurism. Moscow: Gilea, 2006. 557 p. (In Russ.)

15. Eventov I. Mayakovsky the poster artist: a critical essay. Moscow; Leningrad: State publishing house “Art”, 1940. 74 p. (In Russ.)

16. Etkind E. There, inside // *Revue des Études Slaves*. 1996. № 68-2. Pp. 159–183. (In Russ.)

17. *Night Wraps the Sky: Writings by and about Mayakovsky* / edited by M. Almereyda. NY: Farrar, Straus and Giroux. 2008. Pp. XXVII + 272. (In Eng.)

18. Sundaram, Ch. *Manufacturing culture: The Soviet State and the Mayakovsky Legend, 1930 – 1993: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy* / Ch. Sundaram. Toronto, 2000. 373 p. (In Eng.)

EXPERIMENTAL STRATEGIES IN THE WORKS OF V. MAYAKOVSKY OF 1914–1919

Anna P. Gurchenok

Bachelor of Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Veronika V. Tsurkan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Abstract

The article examines V. Mayakovsky's experimental strategies in poetic and visual creativity, his innovation in the context of the unity of verbal and visual arts, which is associated with the current trend in modern literary criticism of rejecting the ideological assessment of aesthetics and the structure of the poet's creative world. The approach is proposed that allows us to see the poster work of V. Mayakovsky as a field for the implementation of experimental strategies outlined in his early poetic and pictorial works. The authors of the article point to the validity of the study of innovative aesthetics in the poet's work of 1914–1919 based on the principles of projectivity, shifting and enantiosemy, which the art of cubofuturists was based on. The article analyzes the ways of expressing these principles in the Russian avant-garde of the first third of the 20th century and in the works of V. Mayakovsky. The influence of lubok satire, which was widespread during periods of wars and revolutions, despite prohibitions and obstacles from the state, on V. Mayakovsky's poster work is researched. Attention is drawn to the way how Mayakovsky, encouraging his contemporaries to return to the study of folklore and to turn to the “quaint soul” of Russia, developed an original aesthetic concept in which the transformation of visual metaphors into poetic norms and the combination of revolutionary ways of influencing the viewers through certain techniques of traditional art (iconography, ethnic and lubok motifs) became not just an opportunity

to develop new artistic forms, but an effective way to democratize culture in general and restore connection between the artist and the people through a revolutionary poster.

Keywords: V. Mayakovsky, avant-garde, experiment, poster, lubok

Для цитирования: Гурченко А. П., Цуркан В. В. Стратегии эксперимента в творчестве В. Маяковского 1914–1919 гг. // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 13–23.

Поступила в редакцию 30.05.2025

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

ББК 84
УДК 82-14

Ю. М. Тхагазитов¹

ORCID: 0000-0001-5566-9156

*Институт гуманитарных исследований –
филиал Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-
Балкарский научный центр
Российской академии наук”»,
36000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, д.18
Нальчик, Россия
yutkhag@gmail.com*

РАЗВИТИЕ ЭПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КЕШОКОВА (ШТРИХИ К МЕТОДОЛОГИИ)

В данной работе рассматривается трансформация жанровой системы и художественного мышления в творчестве А. Кешокова в аспекте преемственности эпоса и романного мышления в контексте тенденций развития жанровой системы в адыгской литературе. В статье предлагается новая интерпретация кабардинского эпического мышления и иные методологические ориентиры осмысления творчества А. Кешокова.

Актуальность исследования определяется выявлением своеобразия традиционных ценностей и эволюции религиозно-этического сознания в советский и постсоветский период творчества А. Кешокова. Акцент на характеристике религиозно-этических ценностей в творчестве А. Кешокова имеет необозримую протяженность как в прошлом, так и будущем.

¹ Тхагазитов Юрий Мухамедович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”», г. Нальчик, Россия.

Фокус внимания обращен к ключевой для северокавказского литературоведения проблеме – феномену авторского присутствия в тексте и его возможности структурирования национальной художественной картины мира.

Таким образом, нюансы изучения данной темы позволяют воссоздать научно-аргументированный взгляд на картину жанровой эволюции эпопеи и романа у А. Кешокова, уточнить их концептуально-идеологические составляющие в рамках системного их осмысления-переосмысления. Полученные результаты в рамках «аксиологии перечтения» вносят вклад в изучение эволюции северокавказского художественного сознания от этнического мышления к романному, что, собственно, и определяет особую актуальность данного исследования.

Ключевые слова: эпическое мышление, романное мышление, сюжет, этика

Можно с гордостью сказать, что и сегодня творчество А. Кешокова не стало литературной историей, а вписывается в животрепещущую современность, укрепляя душу читателя в наше сложное и противоречивое время. В. Солоухин писал: «Для истинного поэта поэзия – это и есть его общественное поведение, а его поведение – это и есть его поэзия» [1, 254].

Именно здесь мне хотелось вспомнить один случай из нелитературной биографии писателя. Алим Пшемахович, занимавший пост заместителя председателя Совета министров, говорят, принял решение, идущее вразрез с официальной политикой того времени – ликвидацией личного подсобного хозяйства тружеников села. В действительности всё было, наверное, куда сложнее, или не совсем так, но народ никогда не приписывает легенд людям, их не заслуживающим. И в ответ на это доверие – всегда мужественное и гордое слово поэта:

Я жил под щедрым камнезвездным небом,
Я стал частицей этих твердых скал.
Порой из них не мог я выжать хлеба,
Но слово я из камня выжимал [2, IV, 44].

Долитературная традиция адыгов, от нартского эпоса до историко-героической песни, стремилась воплотить в себе мир человека в самых его глубоких связях с полнотой бытия народа. Вот основа творческого кредо А. Кешокова. К какой бы теме он ни обратился (любовь, горы, небо, человек в его перипетиях предназначения), всегда можно наблюдать в его творчестве эпический синтез (соединение лирического начала с народно-эпической

традицией), который отличает почерк Кешокова, поэта и прозаика. Приведем несколько примеров из раннего поэтического творчества А. Кешокова с его романтическим порывом и устремленностью к гармонии и пластике национально-эпического мышления:

О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный Путь провел бы на земле [2, 89].

А вот и другие, прекрасные своей лукаво-ироничной концовкой, стихи:

Куда тебя, прыть молодая,
Несет под полночной луной?..
Смеется джигит: «Никогда я
Не езжу дорогой дневной!» –
«Безумец, коль веришь в удачу,
Посватай-ка дочку мою!
Добьешься согласи – в придачу
Любого коня отдаю!» –
«Чужих скакунов не седлали,
Дареных не держим коней.
А дочка твоя... – не она ли
Под черною буркой моей!..» [2, 156].

Здесь и в других произведениях А. Кешокова ироническое начало художественного решения, казалось бы, незыблемых устоев народного бытия трансформируется у поэта в реальность эпического обобщения. Отсюда – значительность поэтической образности, её воздействие на сознание отдельного читателя, а также на развитие эпического мышления в национальной литературе.

Здесь стоит особо остановиться на структурообразующей специфике кешоковской иронии в стихотворениях, тяготеющих к «аллегорической балладе» (З. Налоев). В них нередко сталкиваются два мировоззрения: представителей старого уходящего мира и нового поколения. Пока «старость спит», молодежь успевает прожить целую жизнь, полную драматических неожиданностей.

Композиционная структура с оппозиционным ядром «старость – молодость» встречается в стихотворении «Доктор». С заметным ироническим оттенком автор описывает отношение старых и молодых работников «к докторше в белом халате». Старые старались выглядеть молодцевато и доказывали, что, несмотря на седые виски, они совершенно здоровы.

А хъыджэбзыр зэралъагъуу
Щалэ псори кытехуаш.
Хэт и нитырр кьолыдыкыр,
Хэт техьэгъуэ кытехъаш
«Дохутыр» [2, 345].
Но зато оказались больны,
Хоть недавно здоровыми были,
Молодые в горах чабаны
И к врачу на прием поспешили [2, 90].
«Доктор». Пер. В. Цыбина

Молодые же, наоборот, притворяются больными, чтобы получить дополнительное внимание от симпатичной докторши. Но им не везет: результат обследования показывает, что у них нет «ни ушиба», «ни прострела», «ни единой болезни». Для эпического мышления А. Кешокова характерно умелое вплетение в остро занимательный сюжет диалогов, благодаря которым читатель слышит живые голоса стариков, врача и молодого человека.

Перечисляя основные признаки современного балладного типа стиха, В. К. Чумаченко называет «повествовательный лирический сюжет, особую сжатость, концентрированность действия, стремительность, динамичность развертывания событий, сосредоточенность на отдельных, чаще всего, наиболее напряженных моментах сюжетного действия» [4, 67].

Поддерживая концепцию В. К. Чумаченко о том, что современный тип русского балладного стиха в своих генетических основаниях содержит не только западноевропейский первоисточник, но и русский фольклор, подчеркнем, что сходная ситуация наблюдается и в кабардинских балладных стихотворениях, также испытавших влияние родного фольклора. Во многих балладных стихах кабардинских авторов угадывается художественная форма коротких сюжетных рассказов «хыбар», «таурых», широко распространенных в фольклоре кабардинцев. «Хыбар» отличается поэтизацией какого-то одного, чаще экстраординарного случая, завершающегося авторским назиданием, которое может быть выражено открыто или в подтексте повествования

Лейтмотивом творчества А. Кешокова всегда оставалась тема родины в ее радостных и трагических испытаниях:

Скала единой глыбою была,
Была она величьем знаменита,
А ныне даль осколками покрыта,
Судьба народа, как судьба гранита [2, IV, 76].

За постоянством темы стоит нарастающий традиционнo-ценностный потенциал эпического мышления, как преодоление сиюминутного восприятия противоречивого бытия.

В оценках нашей и союзной критики творчество А. Кешокова давно стало не только ориентиром, но и мерой в оценке развития национальной и советской многонациональной литературы, и прежде всего, это произведение «Вершины не спят».

Национальная эпопея (напрашивается и формулировка роман-эпопея) повествует об этапе истории кабардинского и балкарского народов предоктябрьской, революционной и послереволюционной эпох. А. Кешоков художественно исследует закономерности этого исторического движения, которое воедино связано с судьбами отдельных героев. Народ и революция, утверждение социалистических преобразований в Кабардино-Балкарии, становление национальной интеллигенции – вот далеко не полный перечень тем, которые нашли отражение на страницах «Вершин...». Социально-политическую атмосферу 20-30-х годов в нашей республике уважаемые доктора фальсификации (по удачному выражению Р. Быкова) продолжали тогда трактовать с вульгарно-социологических позиций. Неужто беды тех лет, нависшие над всей страной, благополучно миновали нас? В этом смысле «Вершины...» оставались единственным источником, раскрывающим перед нами драматизм этой эпохи. Остановлюсь на значимом для адыгских литератур герою Казгирее Матханове.

Вспомним ключевой диалог Инала Маремханова и Казгери Матханова из «Вершин...». Инал говорил: «И теперь я уже не скажу: наши пути еще могут слиться. Нет, они не сойдутся никогда, как не сойдутся вновь эти два ручья». Казгирей, как бы вновь обдумывая речь Инала, искал возражения: «Эти ручьи опять сольются, если убрать вон ту скалу, которая их разделила... Видишь ее?» [3, 223].

Одно из самых важных достижений «Вершин...» А. Кешокова – это то, что общечеловеческие интересы ставятся выше классовых. Этот непривычный для нашей литературной критики ключ открывает нам новые проблемные грани изучения в опередившем время кешоковском произведении, позволяет убрать скалу, разделяющую наше прошлое и настоящее.

Я думаю, что один из лучших интерпретаторов творчества А. Кешокова М. Сокуров сейчас уже уточнил бы свои слова, написанные много лет назад: «Логика социальной борьбы беспощадно изобличает объективно несостоятельную, реакционную в своей основе идею шариата, на основе которой Матханов тщится примирить враждующие социальные сословия и классы» [3].

Казгирей Матханов – большая удача писателя, но где же истоки это самого загадочного в адыгских литературах героя? В этом богатом художественном мире произведения озвучены все звенья народно-эпических традиций, уходящих своими корнями в фольклорно-мифологические представления адыгов. А. Кешокову удалось воссоздать диалог традиций в конкретно-исторических условиях. К примеру, интересно, что духовные искания Жабаги Казаноко и Казгирея Матханова обозначены одним путем: Северный Кавказ – Москва – Мекка. Я привел этот пример не только ради внешней, но и более глубоких аналогий, хотя писатель, возможно, приходит к ним подсознательно. Ощущаются и явные генетические корни «Вершин...» – это история Шоры Ногмова и идеи баксанского просветительского центра, структурировавшие духовное пространство эпопеи.

В другом знаковом произведении А. Кешокова – «Сломанной подкове» народ снова предстал перед своей судьбой. Всегда актуальную проблему нравственности выбора, возникшую перед целым народом, А. Кешоков воссоздает в борьбе лучших народных традиций с национальной замкнутостью в идеализации прошлого (Локотоп – Бештоев). Диалектическое понимание соотношения национального и общечеловеческого делает «Сломанную подкову» многомерным произведением. И здесь писатель дал ряд запоминающихся национальных характеров, ставших неотъемлемым фактором трансформации общественного сознания и национальной художественной культуры в целом. Образ Хабибы – центр национально-художественного повествования. Именно у таких людей, как Хабиба, учился понимать жизнь А. Кешоков и, как говорится, вернул народу образ обогащенным.

Для «Сломанной подковы» точка зрения автора совпадает с народной, и идет она из глубины народного бытия, а потому идея целостности национального сводится к содержательно-формообразующему образу Хабибы. Отсюда, в силу следования фольклорной мотивировке, движение коллизии в «Сломанной подкове» осуществляется не столько по причинно-следственной логике внешних событий, сколько по глубинной логике борьбы Добра и Зла. Отсюда и включение в сюжет, казалось бы, не влияющих на интригу эпизодов.

Если рассмотреть прозу А. Кешокова в рамках эволюции жанровых форм в национальной литературе, то вырисовывается эволюция писателя от эпопеи к собственно романному мышлению. Рискну предположить, что «Сломанная подкова» была задумана в традиционных требованиях жанра романа, но автор вынужден был следовать за саморазвитием образа Хабибы и не «смог», возможно,

реализовать свой первоначальный замысел.

Итак, герои А. Кешокова в «Сломанной подкове» выдержали трудные испытания, нравственный итог которым подводит Бекан, выражая в форме традиционной мудрости новое отношение к историческому пути своего народа: «Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана».

Что и говорить, «Сломанная подкова» – сложная вещь, отсюда у А. Кешокова трудности не только творческого порядка. Наша литературная, и не только литературная, общественность понимала и решала эти непростые проблемы с необыкновенной легкостью. Критика А. Кешокова (только одного А. Кешокова) в иные времена была доступна всем, а некоторые стратеги, наблюдавшие за суровыми событиями Великой Отечественной войны со стороны, спустя много лет после войны храбро атаковали непосредственного участника войны всеми имеющимися под рукой демагогическими средствами и приемами. Даже несмотря на активную поддержку московских критиков, в республике сложилась ситуация, когда на неприятии «Сломанной подковы» можно было закрепится на престижной должности. «А лбы их были крепкие!» – сорвавшимся (через много лет после всего этого) голосом произнес на вечере в КБГУ Алим Пшемахович. Кто знает, не пришли ли тогда ему на память давние его стихи, посвященные верному другу Кайсыну Кулиеву:

Мы – всадники, что стремя в стремя
Летят, избрав нелегкий путь,
И волны поднимает время
И опускает нам на грудь [2, IV, 267].

Нужны ли нам сегодня эти воспоминания о прошлом? В том конфликте А. Кешоков, будучи настоящим художником слова, видел реальную историю своего народа, а оппоненты удобоваримую для себя версию «своей» истории войны. Последствия конфликта не преодолены и сегодня. Например, до сих пор не звучит по радио прекрасная песня на слова А. Кешокова «Адыгское небо». Интересно, кто мог посметь (или даже подумать) упрекнуть А. Кешокова в национализме?

А вот что говорит сам А. Кешоков о национальном: «Я уверен, что национальное своеобразие – это то, что людей сближает, а не разъединяет» [2].

В изучении самых значимых художественно-стилевых аспектов для кабардинской литературы XX века наблюдается эволюция эпоепийного мышления к собственно-романному мышлению, и это, прежде всего, произведения «Горцы» А. Шортанова, «Вершины

не спят», «Сломанная подкова», «Восход луны» А. Кешокова.

Таким образом, А. Кешоков опередил направление национального современного литературного процесса в XXI веке. Творчество А. Кешокова, уверен, станет знаковой основой дальнейшего развития кабардинской литературы в условиях противоречивой для традиционных культур глобализации-западнизации.

Список источников

1. Марущенко А. А. Трансформация этических смыслов в искусстве переломных эпох // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 242-246.
2. Кешоков А. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Художественная литература, 1982.
3. Нарты: адыгский эпос: в 2-х т. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. 424 с.
4. Сокуров М. Лирика Алима Кешокова. Лирика Алима Кешокова. Нальчик: «Эльбрус», 1969. 224 с.
5. Чумаченко В. К. Русская поэзия второй половины XX столетия. Краснодар: Кубан. гос. ун-т культуры и искусств 2005. 158 с.

REFERENCES

1. Marushchenko A. A. Transformatsiya eticheskikh smyslov v iskusstve perelomnykh epokh [Transformation of ethical meanings in the art of turning points]. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2015. Issue 2 (6). Pp. 242-246.
2. Keshokov A. Sobraniye sochineniy v 4-kh tomakh [Collected Works in 4 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982. 3380 p.
3. Sokurov M. Lirika Alima Keshokova [Lyrics of Alim Keshokov]. Nalchik: Elbrus. 224 p.
4. Chumachenko V. K. Russkaya poeziya vtoroy poloviny XX stoletiya [Russian poetry of the second half of the 20th century]. Krasnodar: Kuban. Gos. Un-t kul'tury i iskusstv, 2005. 158 p.

EPIC THINKING DEVELOPMENT IN A. KESHOKOV'S CREATIVITY (METHODOLOGY FEATURES)

Yuri M. Tkhagazitov

Doctor of Philology, Leading Researcher at the Kabardian-Circassian Literature Sector, Institute for Humane Research – branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchike, Russia)

Abstract

This paper examines the transformation of the genre system and artistic thinking in the works of A. Keshokov in the aspect

of the continuity of the epic and novel thinking in the context of the trends in the genre system development in Adyghe literature. The article offers a new interpretation of Kabardian epic thinking and methodological guidelines for understanding A. Keshokov's works.

The relevance of the study is determined by the uniqueness of traditional values – the evolution of religious and ethical consciousness – A. Keshokov's work in the Soviet and post-Soviet period. The emphasis on the characteristics of religious and ethical values in A. Keshokov's work has an immense extent both in the past and in the future.

The focus of attention is on the key problem for North Caucasian literary studies – the phenomenon of the author's presence in the text and its ability to structure the national artistic picture of the world. Thus, the nuances of studying this topic allow us to recreate a scientifically reasoned view of the picture of the genre evolution of the epic and the novel by A. Keshokov, to clarify their conceptual and ideological components within the framework of their systemic comprehension and rethinking. The results obtained within the framework of the “axiology of rereading” contribute to the study of the evolution of the North Caucasian artistic consciousness from ethnic thinking to novelistic, which, in fact, determines the special relevance of this study.

Keywords: epic thinking, novel thinking, plot, ethics

Для цитирования: Тхагазитов Ю. М. Развитие эпического мышления в творчестве А. Кешокова (штрихи к методологии) // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 24–32.

Поступила в редакцию 22.07.2025

РАЗДЕЛ III. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

ББК 81
УДК 80

*Н. Г. Ганбарова*¹

ORCID: 0009-0007-1620-2343

*Нахчыванский государственный университет
Азербайджан, Нахчыванская Автономная Республика,
г. Нахчыван, пр. Г. Алиева, 1
nurideqenberova@ndu.edu.az
nurideqenberova@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС КАК ПОЛЕ ЭТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЯЗЫК, СТИЛЬ, ИДЕОЛОГИЯ

В работе рассматривается художественный дискурс как динамическое пространство, в котором происходят значимые этические трансформации. Литературный текст воспринимается не только как художественное высказывание, но и как форма этического суждения, способ моделирования моральных конфликтов и идентичностей. Особое внимание уделяется взаимодействию языка, стиля и идеологических импликаций в произведениях русской литературы XIX века, в частности, в текстах Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Через анализ нарративных стратегий, образов закона и справедливости, категорий вины и прощения, в работе выявляется, каким образом литература функционирует как пространство этической рефлексии, а также как стилистические средства становятся инструментами философского осмысления морали.

Делается вывод о том, что литературный дискурс способен не только отражать, но и влиять на трансформации этических парадигм в обществе.

¹ Ганбарова Нурида Гусейновна, преподаватель, Нахчыванский государственный университет, г. Нахчыван, Азербайджан, Нахчыванская Автономная Республика.

Ключевые слова: этика, литературный дискурс, стиль, идеология, моральный конфликт, русская литература XIX века

Введение

В современной гуманитарной науке возрастает интерес к этической составляющей художественного дискурса. Литература всё чаще рассматривается не только как эстетический феномен, но и как пространство философской рефлексии, нравственных исканий и идеологического сопротивления. В центре внимания исследователей оказывается способность художественного текста моделировать ситуации морального выбора, формировать эмпатические отношения, осмысливать природу справедливости и ответственности. Этические трансформации, происходящие в обществе, находят в литературе не просто отражение, но и проактивную интерпретацию, становясь частью художественной стратегии и стилистической парадигмы.

Особую актуальность приобретает изучение языка и стиля как средств репрезентации этических конфликтов и культурных сдвигов. В условиях напряженного диалога между индивидуальным и общественным, духовным и идеологическим, художественный текст может функционировать как поле столкновения моральных позиций, в котором ценности подвергаются испытанию, пересмотру или реконструкции. Таким образом, литература становится не просто зеркалом эпохи, но и лабораторией этического мышления, где происходит переосмысление норм, кодов и символов.

Настоящая статья ставит целью проанализировать, каким образом литературный дискурс – прежде всего в произведениях русской литературы XIX века – становится пространством этических трансформаций. Исследование сосредоточено на текстах Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которых особым образом взаимодействуют язык, стиль и идеологическая направленность. Эти произведения позволяют проследить, как художественные формы становятся средствами этической рефлексии, а нарратив – ареной борьбы между моральными категориями и политическими доктринами.

1. Литература как этическая лаборатория: от повествования к нравственной рефлексии

Литература на протяжении всей истории человечества выполняла не только эстетическую, но и этическую функцию. Она способна не просто рассказывать истории, но и вовлекать читателя в сложные нравственные размышления, пробуждая эмоциональное и моральное участие. В условиях модерности и постмодерна эта функция обостряется: литература становится пространством осмысления кризиса ценностей, потери универсальных моральных ориентиров и необходимости их переосмысления в условиях плюрализма истины.

В отличие от философии, где моральные категории формулируются в абстрактных терминах, художественный текст действует через конкретику – персонажей, ситуации, стилистику, интонацию. Это делает литературный дискурс особой формой «эмоционального мышления» [11], в котором знание и чувство переплетены. Через сюжетные конфликты, внутренние монологи, символику и нарративные паузы литература моделирует реальные и гипотетические ситуации морального выбора, создавая у читателя опыт сострадания, со-размышления и со-ответственности.

Ключевым теоретиком этой идеи выступает М. М. Бахтин, определивший природу художественного слова как *диалогическую* и *полифоническую* [1]. Полифония предполагает сосуществование множества голосов, каждый из которых обладает своей логикой и этическим весом. В полифоническом романе, как подчеркивал М. М. Бахтин на примере творчества Ф. М. Достоевского, истина не подается в готовом виде – она рождается в столкновении позиций, в диалоге с Другим, в моменте нравственного выбора.

Примером может служить роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором представлена сложная этическая конфигурация. Речь идет не о морализаторстве, а о внутреннем конфликте героя, разрывающегося между рациональной идеей «наполеоновского» сверхчеловека и живым опытом сострадания, боли, покаяния. Герой проходит путь от абстрактной философии оправданного зла к эмоционально прожитому нравственному катарсису, и именно в этом движении раскрывается этическая мощь литературы [7; 4].

Другой значимый мыслитель – Эммануэль Левинас – говорил о первичности ответственности перед Другим, которая предшествует всякому рациональному обоснованию морали [10]. В этом контексте

литература, способная дать голос уязвимому, неузнанному, отверженному Другому, становится формой этического свидетельства [10]. Читатель, вовлеченный в текст, уже не может оставаться «вне»: он оказывается в пространстве ответственности, соучастия, «этического взгляда».

В этом смысле художественный дискурс – это не просто зеркало морали, но и пространство этических трансформаций. Произведения Н. С. Лескова, такие как «Левша», или сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» не только вскрывают социальные противоречия и злоупотребления власти, но и создают критические модели морального суждения. Их герои, часто наивные или гротескные, оказываются носителями глубокой нравственной правды, противопоставленной лицемерию, жестокости или бюрократическому цинизму.

Художественное слово, таким образом, превращается в форму этической интервенции, в которой пересекаются личное и общественное, индивидуальное чувство и историческая травма. Как утверждает М. Нуссбаум, литература «учит нас видеть сложность мира и понимать других» [11, 5], а потому должна рассматриваться как полноправный участник моральной философии.

Более того, язык и стиль произведения также участвуют в моделировании этического восприятия. Использование иронии, гротеска, фрагментарности или нарративного сдвига позволяет автору не просто рассказать историю, а поставить под сомнение саму возможность моральной определенности, предложить читателю почувствовать, а не только понять. В этом заключается уникальность литературного дискурса – он не предписывает, а вовлекает, не наказывает, а предлагает пространство для личного этического роста.

Именно поэтому литература должна рассматриваться как «этическая лаборатория», где моделируются альтернативные формы жизни, где возможен критический пересмотр норм, стереотипов и идеологем и где рождается субъект, способный к эмпатии, сомнению и ответственности.

2. Стилистика и язык как носители этического смысла

Язык художественного текста – не просто средство выражения эстетических форм, но и тончайший инструмент этической артикуляции. Литература не описывает моральные ситуации извне – она переживает их через само языковое выражение, делая стиль частью этического опыта. Стилистика в литературе играет важнейшую

роль в создании нравственного напряжения, вскрытии моральных дилемм и построении внутреннего мира персонажа. В произведении этика и язык не существуют параллельно – они взаимопроникают, формируя пространство морального смысла. Выбор слов, интонация, ритмика фразы, нарративная структура – всё это становится частью этического высказывания, где лингвистическая форма выступает медиатором между текстом и моральной рефлексией читателя [12; 11].

На уровне лексики автор может прибегать к эвфемизмам, чтобы скрыть или смягчить проявление насилия и несправедливости, или, напротив, использовать резкие, грубые речевые обороты, подчеркивая безысходность, напряженность и жестокость окружающего мира. В этом смысле язык как бы «проверяет» читателя на готовность воспринять моральное испытание – он перестаёт быть нейтральным инструментом и становится нравственной средой. Так, в «Шинели» Н. В. Гоголя язык жалости, простоты и почти библейской кротости контрастирует с канцелярской, бюрократической бездушностью. Это создает мощную этическую оппозицию между живым и мертвым словом, между внутренней правдой и социальной жестокостью, выступая в духе бахтинской оппозиции «авторитарного» и «внутренне свободного» слова [2].

В произведениях Ф. М. Достоевского язык часто становится ареной внутренней борьбы персонажа: поток сознания, повторы, сбивчивая речь отражают не только психологические поиски героя, но и его нравственные сомнения и метафизические поиски. В «Бесах» стиль Ф. М. Достоевского нарочито многоголосен и полифоничен: он моделирует столкновение идеологий через особенности речевого поведения персонажей. Полифония становится способом этической деконструкции авторитетного высказывания, раскрывая сложную динамику внутренней свободы [5]. Этическая проблематика в этом контексте проявляется не только в содержании, но и в форме, ритме, интонациях, прерывистости речи.

Особое значение приобретает ирония – один из самых сложных и многозначных стилистических приемов. В «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина ирония выполняет не только сатирическую, но и глубоко нравственную функцию: она обнажает лицемерие власти, двойные стандарты морали, разрыв между декларируемыми и реально действующими ценностями. Подобный язык представляет собой особый этический вызов: он не диктует моральное решение, но открывает пространство для рефлексии и внутреннего выбора. Иронический стиль, как отмечает Линда Хатчен, – это способ этически ангажированного повествования без прямой дидактики [8].

Стилистическая индивидуальность Н. С. Лескова также демонстрирует тесную связь между языком и этикой. Его сказовый стиль, использование просторечий, пословиц, фольклорных формул и обилие экспрессивной лексики создают эффект живого, «совестливого» повествования, глубоко укорененного в народной нравственности. В «Левше» речь героев наполнена простой, но глубокой интонацией, в которой сочетаются скромность, преданность, терпение и готовность к самоотверженности – категории, выходящие за рамки рациональной морали и переходящие в сферу духовного этического опыта. Как подчёркивает исследователь А. Ф. Лосев, нравственная сила сказового слова у Лескова не в назидательности, а в его органичности, в глубокой связи с народным представлением о добре [3].

Таким образом, язык и стиль в литературном дискурсе не являются вторичными по отношению к этическому содержанию, напротив – они несут в себе подлинное нравственное напряжение, позволяя читателю прочувствовать, а не просто понять моральную проблематику текста. Через стилистику литература формирует особое пространство – пространство этического звучания, в котором художественное слово обретает силу нравственного поступка. Это подтверждает и Поль Рикёр, утверждая, что язык повествования формирует этическое воображение, способное к моральной трансформации субъекта [12].

3. Идеология и мораль: конфликт и взаимодействие в литературном дискурсе

Литература – это не только пространство эстетической и нравственной рефлексии, но и важнейшая сфера идеологической борьбы. Художественный текст нередко оказывается втянутым в диалог с господствующими политическими нарративами, а язык литературы может одновременно быть и средством сопротивления, и формой компромисса. Именно на этом пересечении – между моралью как внутренним императивом и идеологией как внешним регулятором – рождается напряженная драматургия литературного дискурса [6; 14].

Русская литература XIX века предоставляет особенно выразительные примеры этого взаимодействия. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевского моральная катастрофа героев обусловлена не столько их личной испорченностью, сколько разрушительным воздействием идеологической утопии, подменяющей нравственные категории догматической целесообразностью. Идеология

революционного нигилизма вытесняет сострадание, совесть и любовь – и в этом процессе язык становится грубым, насильственным, опустошенным. Достоевский, используя приемы полифонии, дает возможность идеологии «высказаться» изнутри, не нарушая художественной объективности, и тем самым создает подлинно этическое поле оценки, где читатель сам должен услышать фальшь в речах героев [5; 7].

В произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина сталкиваются два мира – официальный, идеологически упорядоченный, и живой, часто абсурдный, но более нравственный. В «Истории одного города» бюрократический язык превращается в инструмент идеологической репрессии: приказы, отчеты, декреты звучат как карикатура на здравый смысл. Однако под иронической оболочкой скрывается острое этическое высказывание о безнравственной природе власти, подавляющей человеческую свободу и достоинство. Здесь литература выступает как форма критического сознания, способная вскрывать ложь и лицемерие идеологического дискурса [8; 9].

Не менее показательным творчеством Н. С. Лескова, в котором проявляется попытка найти нравственное измерение вне идеологических рамок. Его персонажи – простые люди, ремесленники, странники – часто оказываются носителями подлинной, «внутренней» морали, противопоставленной официальной религиозной или государственной доктрине. В произведениях «Соборяне» и «Левша» человеческое достоинство, совесть, способность к состраданию становятся этическими опорами, не нуждающимися в идеологическом обосновании. Н. С. Лесков демонстрирует, что моральное чувство может существовать вопреки идеологическим давлениям, и что язык, освобожденный от идеологической функции, обретает силу духовной истины [3; 13].

Таким образом, литература не просто взаимодействует с идеологией – она ставит её под вопрос, анализирует её влияние на моральное сознание личности. Художественный дискурс становится ареной конфликта между навязанными ценностями и внутренним нравственным чувством, между официальным языком и живой речью, между внешней правдой и внутренней истиной. В этом заключается её мощный потенциал как средства этической трансформации и социального осмысления [6; 12].

Заключение

Литературный дискурс представляет собой уникальное пространство, в котором пересекаются язык, стиль, идеология

и мораль. Через художественное слово раскрываются не только эстетические формы, но и глубокие этические смыслы, формирующие критическое и совестливое сознание читателя. Литература способна не только фиксировать моральные конфликты эпохи, но и предлагать альтернативные формы нравственного существования, моделируя внутренние столкновения, выборы, сомнения и прозрения.

Анализ произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина позволяет выявить, каким образом язык и стиль становятся проводниками этических трансформаций, а идеология – неотъемлемым полем напряжения, в котором формируется или, напротив, подавляется нравственная позиция. Особая значимость литературного текста заключается в его способности удерживать моральную сложность, не редуцируя её до декларативных истин и не подчиняя её внешним нормативам.

Таким образом, литература выступает как динамическое пространство этического мышления, где эстетическое, политическое и духовное обретают подлинное единство. Обращение к литературному дискурсу как к этическому феномену не только расширяет горизонты филологического анализа, но и возвращает гуманитарному знанию его изначальную воспитательную и просветительскую миссию – пробуждать нравственную чувствительность, сострадание и способность к моральной рефлексии.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Санкт-Петербург: Питер, 2024. 497 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Москва: Искусство, 1980. 766 с.
4. Рикёр П. Я – самость как иной. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
5. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics (Edited and Transl. by C. Emerson). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 388 p.
6. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London: Verso, 1991. 242 p.
7. Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871. Princeton: Princeton University Press, 1995. 552 p.
8. Hutcheon L. Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony. London: Routledge, 1994. 248 p.

9. Kelly C. *Russian Literary Politics and the Criticism of Power*. Cambridge University Press, 1999.
10. Levinas E. *Entre Nous: Thinking-of-the-Other*. New York: Columbia University Press, 1998. 273 p.
11. Nussbaum M. C. *Love's Knowledge: Essays on Philosophy and Literature*. New York: Oxford University Press, 1990. 436 p.
12. Ricoeur P. *Oneself as Another* (Transl. by K. Blamey). Chicago: University of Chicago Press, 1994. 388 p.
13. Terras V. *A History of Russian Literature*. New Haven :Yale University Press, 1991. 676 p.
14. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford University Press, 1977. 228 p.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. SPb: Piter, 2024. 497 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Questions of Literature and Esthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p. (In Russ.)
3. Losev A. F. *History of Ancient Esthetics. Late Hellenism*. Moscow: Iskusstvo, 1980. 766 p. (In Russ.)
4. Ricoeur P. *I - the Self as Other*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2008. 416 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics* (Edited and Transl. by C. Emerson). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 388 p. (In Eng.)
6. Eagleton T. *Ideology: An Introduction*. London: Verso, 1991. 242 p. (In Eng.)
7. Frank J. *Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 552 p. (In Eng.)
8. Hutcheon L. *Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony*. London: Routledge, 1994. 248 p. (In Eng.)
9. Kelly C. *Russian Literary Politics and the Criticism of Power*. Cambridge University Press, 1999. (In Eng.)
10. Levinas E. *Entre Nous: Thinking-of-the-Other*. New York: Columbia University Press, 1998. 273 p. (In Eng.)
11. Nussbaum M. C. *Love's Knowledge: Essays on Philosophy and Literature*. New York: Oxford University Press, 1990. 436 p. (In Eng.)
12. Ricoeur P. *Oneself as Another* (Transl. by K. Blamey). Chicago: University of Chicago Press, 1994. 388 p. (In Eng.)
13. Terras V. *A History of Russian Literature*. New Haven: Yale University Press, 1991. 676 p. (In Eng.)

Н. Г. Ганбарова

14. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford University Press, 1977. 228 p. (In Eng.)

**LITERARY DISCOURSE AS A FIELD OF ETHICAL
TRANSFORMATIONS: LANGUAGE, STYLE, IDEOLOGY**

Nuride Huseynovna Ganbarova
Nakhchivan State University, teacher
(Nakhchivan, Azerbaijan)

Abstract

The article examines artistic discourse as a dynamic space in which significant ethical transformations take place. The literary text is considered not only as an aesthetic utterance, but also as a form of ethical judgment, a means of modeling moral conflicts and identities. Particular attention is paid to the interplay of language, style, and ideological implications in nineteenth-century Russian literature – specifically, in the works of N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, and M. E. Saltykov-Shchedrin. Using an analysis of narrative strategies, representations of law and justice, and the categories of guilt and forgiveness, the article demonstrates how literature functions as a space of ethical reflection and how stylistic devices become instruments for the philosophical comprehension of morality. The study concludes that literary discourse is capable not only of reflecting but also of shaping transformations in society's ethical paradigms.

Keywords: ethics; literary discourse; style; ideology; moral conflict; nineteenth-century Russian literature

Для цитирования: Ганбарова Н. Г. Литературный дискурс как поле этических трансформаций: язык, стиль, идеология // *Libri Magistri*. 2025. № 3 (33). С. 33–42.

Поступила в редакцию 03.08.2025

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

ББК: Ш100.3 + Ш140 + Ш141.12 + Ш141.2

**УДК: 81'22:81'27 + 81'373 + 81'272.3 + 81'25 + 81'38 + 159.9:81'27
(=161.1=111=521)**

А. Р. Нурутдинова¹

ORCID: 0000-0001-5759-0820

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, ул. Кремлевская, д.18, корп.1, Россия,

Республика Татарстан, г. Казань,

AiRNurutdinova@kpfu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЧЕРЕЗ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЛОКУСЫ (ЗУБЫ / ЯЗЫК) В РАМКАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ТРЕХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Исследование осуществляет параметризацию механизмов вербализации эмоциональных состояний в рамках паремиологического фонда в разноструктурных языках и направлено на соматическую репрезентацию аффектов, реализуемую опосредованно, через периферийные концепты соматического кода – «зубы» и «язык», – в противовес каноническим центрам эмотиологии («сердце», «душа»). Методологический аппарат базируется на принципах когнитивно-дискурсивной парадигмы, лингвокультурологического и концептуального анализа, интегрированных в сравнительно-сопоставительную методологию. Центральной задачей выступает выявление и систематизация параметров (когнитивных, семантических, прагматических, аксиологических), конституирующих специфику эмоционального кодирования в исследуемых паремиологических системах посредством указанных телесных маркеров. Исследование предполагает детерминацию следующих аспектов. 1) Структуризацию семантических полей концептов «зубы» и «язык» в их

¹ Нурутдинова Аида Рустамовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры контрастной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

паремиологической проекции на эмоциональную сферу, включая анализ метафорических и метонимических трансферов, фреймовых сценариев и концептуальных интеграций. 2) Верификацию диапазона репрезентируемых аффектов (гнев, страх, боль, злорадство, неконтролируемость речи, лицемерие и пр.), эксплицируемых через данные соматизмы, с установлением их культурно-обусловленной валентности и интенсивности. 3) Сопоставительный анализ прагматических функций паремий с компонентами «зубы»/«язык» в аспекте регуляции социального поведения, выражения инвективной прагматики, предостережения, иронии или дидактической интенции. 4) Выявление лингвокультурной специфики в аксиологическом ранжировании и концептуализации эмоций, опосредованных данными телесными локусами, с учетом культурных доминант, этностереотипов и коммуникативных императивов каждой из анализируемых культур (включая уникальный аспект японской «культуры стыда» и невербальной коммуникации). Результатом исследования является многоуровневая параметрическая модель, демонстрирующая универсальные и идиоэтнические закономерности в соматической фиксации эмоциональных концептов через периферийные телесные референты в паремиологическом дискурсе. Устанавливается, что данные концепты, несмотря на свою периферийность относительно ядерных соматизмов, выполняют критически значимую функцию в вербализации сложных, часто социально-табуированных или дисфункциональных аффектов, а их конфигурация и прагматическая нагруженность выступают индикаторами глубинных лингвокультурных кодов и ментальных установок. Сопоставление выявляет дивергенции в аксиологии и способах концептуализации контроля/потери контроля, агрессии, страха и коммуникативных норм, релевантных для межкультурной коммуникации и лингвокультурной герменевтики.

Ключевые слова, периферийные концепты, соматизмы, когнитивно-дискурсивный анализ, лингвокультурная специфика, сопоставительная лингвистика, метафорический трансфер, прагматическая функция, этностереотип, идиоэтнические черты, лингвокультурный код

Введение. Когнитивная лингвистика, утвердившаяся как доминирующая парадигма в изучении вербализации ментальных репрезентаций, постулирует «язык как динамическую систему, где грамматические и лексические структуры - суть проекции глубинных когнитивных паттернов» [5]. В соответствии с «когнитивным обязательством (Cognitive Commitment)» [22: 54], сформулированным Дж. Лакоффом, анализ языка должен коррелировать

с общепсихологическими механизмами категоризации, внимания и концептуализации. Соматический код как компонент «воплощенного сознания (embodied cognition)» выступает ключевым инструментом репрезентации аффективных состояний, где телесные референты («сердце», «язык», «зубы») функционируют как «концептуальные узлы» [24, 6] в сети эмоциональных смыслов [24]. Периферийные соматизмы («зубы», «язык»), в отличие от ядерных («сердце»), актуализируют «социокультурно табуированные аффекты» (агрессия, лицемерие, неконтролируемость речи), что требует параметризации их дискурсивных функций.

Паремиологический фонд, трактуемый как «кристаллизованный дискурс» [29] предоставляет уникальный материал для исследования «культурно-специфичных моделей эмоционального кодирования» [17]. Пословицы и поговорки, будучи «фреймовыми сценариями (frame semantics)» [19], инкапсулируют не только семантику, но и «прагматические императивы» регуляции социального поведения [13]. При этом соматическая метафора [23] в паремиях реализует «двойное индексирование» [11]:

– когнитивное (через метонимические трансферы типа «ТЕЛЕСНЫЙ ОРГАН → ЭМОЦИЯ», например, «язык» → болтливость/лживость);

– культурное (через аксиологическое ранжирование, например, негативная коннотация зубов как символа агрессии в русской культуре vs. нейтральность в японской).

Несмотря на теоретическую разработанность «концептуальной интеграции» [18], паремиологический анализ часто страдает от «интроспективной ограниченности» [17], когда умозрительные конструкции подменяют эмпирическую верификацию культурно-специфичных смыслов. Как отмечает Е. Домбровска, «объяснение постулатом (explanation by fiat)» [17], например, интерпретация грамматической конструкции через «объективную / субъективную перспективу» без психолингвистической проверки создает «методологический круг» [13]. Данное исследование преодолевает эти риски через «сравнительно-сопоставительную параметризацию», интегрирующую:

– концептуальный анализ (выявление топологического принципа в соматической семантике по Л. Талми [29]);

– лингвокультурологическую интерпретацию (учет «культуры стыда» в японском дискурсе vs. «культуры вины» в английском);

– прагматическую декомпозицию (инвективные vs. дидактические функции паремий).

Теоретическая значимость заключается в разработке многоуровневой модели соматического кодирования, синтезирующей достижения когнитивной семантики [29], лингвокультурологии и контрастивной паремиологии.

Материалы и методы исследования. В основе настоящего исследования лежит синтез методологических принципов когнитивно-дискурсивной парадигмы, контрастивной лингвистики и лингвокультурологического анализа, направленный на многоуровневую параметризацию соматического кода в паремиологическом фонде русской, английской и японской лингвокультур.

Источниковую базу составили корпуса паремий, извлеченные из авторитетных лексикографических источников: для русского языка «Большой словарь русских пословиц» [7], «Словарь русских пословиц и поговорок» [3] и собрание паремий Фелицыной и Прохорова [13]; для английского Oxford Dictionary of Proverbs [30] и сборник европейских паремий Paczolay [26]; для японского труды «КогоДзитан» (ことわざ辞典) Иидзимы [38] и корпус классических паремий «Котовадза» (諺) в обработке Канэко [37].

Критериями отбора единиц выступили: частотность употребления в современных дискурсивных практиках; наличие соматизмов «зубы» (рус. «зубы»; англ. «teeth»; яп. 歯, «ha») и «язык» (рус. «язык»; англ. «tongue»; яп. 舌, «shita»); репрезентация эмоциональных концептов (агрессия, страх, утрата контроля, лицемерие). Общий объем проанализированного материала превысил 2000 паремиологических единиц, сгруппированных в три лингвоспецифичных подкорпуса.

Методологический аппарат интегрирует концептуальный анализ (в трактовке Лакоффа и Джонсона [23]), фреймовую семантику Ч. Филлмора [19] и теорию концептуальной интеграции Фоконье и Тёрнера [18].

Для верификации когнитивных механизмов эмоционального кодирования применена процедура семантико-синтаксической декомпозиции паремий, включающая:

1. выявление метафорических и метонимических трансферов в рамках соматического кода с опорой на теорию воплощенного сознания [22];
2. реконструкцию фреймовых сценариев [19], лежащих в основе паремиологической семантики, таких как «конфликт», «утрата контроля», «социальная санкция»;

3. декодирование гештальт-структур [1; 5], определяющих образную основу паремий;

4. аксиологическое ранжирование эмоций по параметрам валентность (позитивная / негативная) и интенсивность (культурно-специфичные градации) с использованием шкал лингвокультурной маркированности [6].

Контрастивный аспект реализован через принцип триангуляции [4], предполагающий сопоставление:

1. универсалий (напр., концепт «язык → неконтролируемая речь» в рус. «Язык мой – враг мой», англ. «Hold your tongue», яп. 舌は災いの元, shita wa wazawai no moto перевод «язык – источник бед»);

2. идиоэтнических черт (напр., связь «зубов» с социальным статусом в японских паремиях типа 歯を見せて笑う, ha o misete warau перевод «смеяться, показывая зубы» как знак искренности в контексте культуры стыда);

3. прагматических функций (инвективная, дидактическая, ироническая) в коммуникативных практиках.

Лингвокультурная интерпретация опиралась на:

1. концепцию национально-культурной маркированности паремий [7; 11];

2. теорию культурных доминант (яп. «культура стыда» vs. англ. «культура вины»);

3. анализ дискурсивных трансформаций паремий в медийных текстах [8].

Ключевые методологические инновации включают разработку многоуровневой параметрической матрицы, синтезирующей: когнитивные параметры (тип концептуального переноса, структура фрейма); семантические параметры (диапазон репрезентируемых аффектов, валентность); прагматические параметры (интенция, коммуникативный контекст); аксиологические параметры (культурная специфика ранжирования эмоций).

Верификация модели осуществлялась через перекрестное комментирование паремий носителями-экспертами (лингвистами и культурологами) для каждой из изучаемых лингвокультур, что позволило минимизировать риски интроспективной ограниченности [17] и методологической круговерти [13], присущих когнитивным исследованиям.

Основные результаты исследования. Структуризация семантических полей концептов «зубы» в русской паремиологии

выявляет плотную сеть метафорических и метонимических трансферов, проецирующих телесные реалии на эмоциональную и социальную сферу.

Доминирует фрейм **агрессии и инструментализации силы** для концепта «зубы», реализуемый через базовую метафору ЗУБЫ – ОРУЖИЕ, что эксплицируется в пословицах типа «*Волка зубы кормят, лису хвост бережет*» [2, I, 259], «*Умерла цука, да зубы остались*» [2, IV, 539], «*Змей умирает, а всё зубьями хватает*» [2, I, 700] и «*Хвостом виляет, а зубы скалит*» [2, IV, 551], где метонимия акцентирует неистребимую агрессивную сущность.

Параллельно функционирует фрейм **НЕВОЗМОЖНОСТИ / ФРУСТРАЦИИ**, основанный на метафоре **НЕДОСТУПНОЕ – ТВЕРДОЕ, ТРЕБУЮЩЕЕ ЗУБОВ**: «*Видит око, да зуб неймет*» [2, I, 220], «*Охоча жаба до орехов, да зубов нет*» [2, II, 667], «*Не по зубам мне эти орешки*» [2, II, 536], «*Поел бы репки, да зубы редки*» [3, 342], метонимически связывая физическую неспособность жевать с социальной/деловой несостоятельностью, тогда как фрейм **УЯЗВИМОСТИ / НУЖДЫ** проявляется в «*Зубы есть, да нечего есть*» [2, I, 700] и «*Беззубому каша – папаша, а кисель – брат родной*» [2, I, 85].

Для концепта «язык» доминирует фрейм **НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ И ОПАСНОСТИ РЕЧИ**, реализуемый через метафору **ЯЗЫК – РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА/ОРУЖИЕ**, что наиболее ярко выражено в пословицах с **концептуальной интеграцией обоих соматизмов**: «*Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами!*» [2, I, 528] (где «*держат за зубами*» создает образ физического барьера) и «*Губы да зубы – два забора, а удержу нет*» [2, I, 408], имплицитующих **ТЕЛО КАК НЕНАДЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ** для сдерживания вербальной угрозы, при этом «*Он речь сквозь зубы цедит*» [2, II, 356] маркирует неискренность как отклонение от нормы открытости.

Сопоставление с английской паремиологией [25; 28; 27] выявляет сходную, но менее вариативную метафоризацию: **TEETH AS WEAPONS/TOOLS**: «*Armed to the teeth*» [28: 18], «*An eye for an eye, a tooth for a tooth*» [30,112], **TONGUE AS A DANGEROUS WEAPON**: «*The tongue is not steel, yet it cuts*» [30: 395], однако фрейм **INABILITY**: «*The grapes are sour*» [27, 102]) кодирует фрустрацию без соматизма зубов.

В японской паремиологии [16; 20] концепт «зубы» (歯 – ha) смещен в фрейм **СОЦИАЛЬНОЙ СДЕРЖАННОСТИ / НАРУШЕНИЯ НОРМ**: 歯を見せて笑う – *Ha o misete warau* – «*Смеяться, показывая зубы*» [20, 87], подразумевающий неестественную откровенность,

тогда как доминанта ОПАСНОСТИ РЕЧИ приписана целостному концепту 口 (*kuchi* – рот / уста) через базовую паремию 口は災いの元 *Kuchi wa wazawai no moto* – «Рот – источник бед» [16, 45], где язык имплицуруется, но не актуализируется отдельно, что отражает культурное табу на излишнюю вербализацию и акцент на гармонию (和 – *wa*).

Верификация диапазона репрезентируемых аффектов подтверждает доминирование **негативных** эмоций высокой интенсивности, эксплицируемых данными соматизмами, с заметной культурной спецификой валентности.

В русском корпусе **аффект агрессии / угрозы** «Ему на голодный зуб не попадайся» [2, I, 369], «У голодного волка из зубов кости не вырвешь» [9, 145], «Бежал от волка, а попал медведю в зубы» [2, I, 85]) обладает максимальной негативной валентностью и интенсивностью (физическая угроза выживанию), **гнев / злорадство** имплицуруется в «Умерла щука, да зубы остались» и «Змей умирает...», **страх** – в ситуациях утраты контроля «Губы да зубы – два забора ...» или непосредственной угрозы «Бежал от волка...», **боль / страдание** метонимически кодируется через «За чужой щечкой зуб не болит» [2, I, 700] или косвенно в «Лесть без зубов, а с костями съест» [2, II, 248], **фрустрация / бессилие** достигает пика в «Видит око, да зуб неймет», «Охоча жаба...», «Зубы есть, да нечего есть», **лицемерие** маркируется «Хвостом виляет, а зубы скалит» и «С виду гладок, а на зуб не сладок» [2, IV, 107], а **неконтролируемость речи** концептуализируется как источник катастрофы в «Губы да зубы – два забора...».

В английском языке интенсивность сходна «Gnash one's teeth» [28, 150] – ярость/бессилие; «A kick in the teeth» [15] – боль/предательство, но валентность агрессии «Show one's teeth» инструментальна.

В японской культуре **интенсивность негативных аффектов, связанных с речью** (口 – *kuchi*), эквивалентна или выше русской 口は災いの元, но валентность обусловлена **страхом нарушения групповой гармонии и стыдом** (恥 – *haji*) [14: 10], а не прямой физической угрозой; аффекты, связанные с зубами, менее выражены и менее негативны.

Сопоставительный анализ прагматических функций выявляет ключевую роль паремий с компонентами «зубы» в **социальном регулировании**, с различиями в доминантных интенциях. **Регуляция поведения и предостережение** являются ядром: русские императивы «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами!», «Не спеши волчонка

хвалить, дай зубам у серого вырасти» [2, II, 536] и предупреждения *«У голодного волка из зубов кости не вырвешь»* акцентируют внимание на опасности внешней среды и последствиях неосмотрительности; английские аналоги *«Bite your tongue!»* [21], *«A still tongue makes a wise head»* [25, 332] фокусируются на **индивидуальной ответственности и самоконтроле**; японское 口を慎め *Kuchi o tsutsushime* – *«Обуздай речь»*) [16, 78] основано на императиве **избегания стыда и сохранения 和 (wa)**.

Инвективная прагматика выражена в русских поговорках осуждения: *«Хвостом виляет, а зубы скалит»* (лицемерие), *«Лесть без зубов, а с костью съест»* (опасность лести, скрытность), и английских *«Lie through one's teeth»* [25, 234]; в японском корпусе прямая инвектива приглушена, осуждение имплицитно через указание на последствия 口は災いの元. **Дидактическая интенция** передает культурные максимы: *«За чужой щекой зуб не болит»* (непонимание чужой боли), *«Совесть без зубов, а загрызет»* [2, IV, 262] (сила внутреннего суда), *«An eye for an eye...»* (принцип возмездия). **Ирония и сарказм** являются значимой русской спецификой, направленной на **высмеивание старости, бедности**: *«Съела бабушка зубы, остались язык да губы»* [2, II, 502], *«К старости зубы тупее, а язык острее»* [2, II, 356], *«На беззубый роток и губам простор»* [2, II, 351], *«Старость не радость, зубы во щях, а ноги в пах»* [2, IV, 274], *«У старика два зуба, да и те на привязи»* [9, 182], *«Молодые – зубами щелкают, а старые – глазами хлопают»* [10, 89], *«Дали орехов белке, когда у нее зубов не стало»* [2, I, 439] (запоздавая помощь), *«Беззубому каша – папаша...»*. Подобная открытая ирония и сарказм в отношении физического упадка и бедности **табуирована в японской паремииологии** из-за глубокого уважения к старшим и избегания прямого осмеяния уязвимости, способного вызвать 恥 (haji). Английский язык допускает иронию *«Bless his pointed little teeth»* – о лицемере, но реже фокусируется на телесных аспектах старости.

Лингвокультурная специфика аксиологического ранжирования эмоций и их концептуализации через данные телесные локусы отражает глубинные культурные доминанты. **В русской традиции доминирует бинарность «сила-слабость» и фатализм**: зубы аксиологически амбивалентны (сила / агрессия, необходимая для выживания – *«Волка зубы кормят», «Были бы зубы, а хлеб найдется»* [2, I, 140], но и уязвимость – *«Беззубому...», «Зубы есть, да нечего есть»*), язык концептуализируется как **главная внутренняя угроза**, требующая жесткого, но тщетного сдерживания, что отражает

исторический опыт выживания и ценность прямой, пусть и рискованной, коммуникации.

Английская лингвокультура акцентирует **прагматизм, инструментальность силы и идею индивидуального контроля**: зубы «teeth» – орудие защиты/агрессии «*Armed to the teeth*» и преодоления «*Cut one's teeth on*», язык «tongue» – источник ошибок/опасности, управляемый личной дисциплиной «*Bite your tongue!*», что соответствует коммуникативным императивам четкости и ответственности.

Японская лингвокультура, детерминированная императивами **групповой гармонии (和 – wa) и культуры стыда (恥 – haji)** [14], минимизирует аксиологическую значимость отдельных соматизмов рта, возводя в абсолют целостный концепт 口 (kuchi) как потенциальный «источник бед» (口は災いの元) и высшую ценность **молчаливости (沈黙 – chinmoku) и невербальной коммуникации (腹芸 – haragei – «искусство общения намеком/животом»)**, что объясняет отсутствие развернутой паремиологической разработки триады «зубы-язык-губы» и табу на иронию в отношении старости: контроль речи диктуется не страхом последствий для говорящего, а необходимостью предотвратить **социальный диссонанс и утрату лица**, делая невербальные каналы (腹 – hara) безопасной и культурно приемлемой альтернативой вербализации.

Таким образом, паремиологическая проекция исследуемых соматизмов на эмоциональную сферу служит точным индикатором культурных доминант:

- прямой конфликт и выживание в русской традиции;
- индивидуализированный контроль и прагматизм в английской;
- коллективная гармония и избегание стыда – в японской.

Структуризация семантического поля концепта «**язык**» в **русской паремиологии** выявляет комплексное взаимодействие метафорических и метонимических трансферов, формирующих фреймы с выраженной **амбивалентностью** между позитивной функцией коммуникации/инструментом разума «*Язык до Киева доведет*» [2, IV, 624], «*Без языка и колокол нем*» [2, I, 132], «*Язык разум открывает*» [10, 78], «*Язык голову кормит*» [2, IV, 625] и доминирующим негативным фреймом **ЯЗЫК – АВТОНОМНАЯ РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА / ВРАГ**, последний реализуется через базовую метафору **НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЙ ЯЗЫК – ВРАГ / СТИХИЯ / ОРУЖИЕ**, поддерживаемую метонимией **ЯЗЫК ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ**: «*Язык без костей: мелет*» [2, IV, 624], «*Язык без костей намелет на семь волостей*» [2, IV, 624], «*Язык что осиновый лист:*

во всякую погоду треплется» [2, IV, 625], «На язык пошлыны нет, что хочет, то и допочет» [2, IV, 624]) и концептуальной интеграцией с фреймом УТРАТЫ РАЗУМНОГО КОНТРОЛЯ: «Язык – враг: прежде ума глаголет» [2, IV, 624], «Язык говорит, а голова и не ведает» [2, IV, 624], «Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет» [2, IV, 625], «Дай волю языку; скажет то, чего и не знает» [2, I, 439], «Дай языку волю – голове тесно будет» [9, 89].

Английская паремиология [25; 30] демонстрирует сходную, но менее фаталистичную модель: метафора TONGUE AS A DANGEROUS WEAPON / UNRULY FORCE: «The tongue is not steel, yet it cuts» [30, 395], «A sharp tongue is the only edge tool that grows keener with constant use» [25, 332], фрейм PRECIPITOUS SPEECH: «The tongue talks at the head's cost» [27, 225], однако позитивный фрейм «The tongue breaks bone, though itself has none» [25, 332] подчеркивает силу слова, а не только путь к Киеву.

В японской традиции [16; 14] концепт «язык» (舌 – shita) редко актуализируется изолированно [36]; доминирует целостный концепт 口 (kuchi – рот/уста) с фреймом ИСТОЧНИКА КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ ГАРМОНИИ, кодируемым ключевой паремией 口は災いの元 (Kuchi wa wazawai no moto – «Рот источник бед») [16, 45], где акцент смещен с физиологии органа на **социальные последствия** вербализации, при этом автономия языка и его конфликт с умом не эксплицированы, что отражает культурную модель сдержанности и приоритет невербальной коммуникации (腹芸 – haragei) [35].

Верификация диапазона репрезентируемых аффектов подтверждает, что **русские паремии** с компонентом «язык» преимущественно кодируют **негативные эмоции высокой интенсивности**, связанные с утратой контроля и социальными рисками: **страх** перед необратимыми последствиями речи «Язык мой – враг мой!», «Дай языку волю – голове тесно будет», «Не ножа бойся – языка!» [2, II, 518], **тревогу / беспомощность** перед его автономией «Язык без костей...», «У языка костей нет, как хочет, так и ворочается» [2, IV, 624], **гнев / осуждение** направленный на болтливость или злоречивость «Бабий язык – чертово помело» [2, I, 56], «Злой язык – злое оружие» [2, I, 700], «Язык языку весть подает» [10, 90] – о сплетнях), **фрустрацию** от противоречивой природы языка «Язык голубит, язык и губит» [2, IV, 625], «Язык поит и кормит, и спину порет» [2, IV, 625]. Валентность – резко негативная, интенсивность – экстремальная «Язык голову кормит, он же и до беды доводит» [2, IV, с. 625]. **В английском корпусе** интенсивность страха /

тревоги ниже, **аффекты прагматизированы** «*The tongue of idle persons is never idle*» [25, 332] осуждение лени; «*A long tongue has a short hand*» [30, 234] предупреждение о невыполненных обещаниях). В японской культуре **интенсивность страха** перед речью (口 – kuchi) эквивалентна или превышает русскую 口は災いの元 [38], но валентность обусловлена **страхом опозорить себя/группу (恥 – haji) и разрушить гармонию (和 – wa)** [14], а не личной катастрофой; аффект **стыда** доминирует над страхом наказания или гневом [34].

Прагматические функции паремий с «языком» в русском корпусе служат мощным инструментом **социального регулирования через гиперболизацию рисков: предостережение** «*Держи язык за зубами*» [2, I, 528], «*Держи язык на привязи (на веревочке)!*» [2, I, 439], «*Держи кулак в кармане, а язык – на аркане*» [2, I, 439], «*Держи собаку на цепи, а язык – на семи*» [9, 91], «*В рабочее время язык на засов*» [2, I, 220], «*Не давай волю языку во пиру, в беседе и гнев*» [2, I, 439], **инвективное осуждение** болтливости, сплетен и злословия «*Бабий язык – чертово помело*», «*Длинный язык – короткие мысли*» [2, I, 439], «*Длинный язык с умом не в родстве*» [2, I, 439], «*Язык есть, а ума нет*» [2, IV, 624], **дидактика контроля** «*Лучше ногою запнуться, чем языком*» [2, II, 264], «*Языку больше давай каши, нежели воли*» [2, IV, 625], «*Языком не спеши, а делом не ленись*» [2, IV, 625] и **сарказм** «*Если косить языком, спина не устанет*» [2, I, 528], «*Шила, мыла, гладила, катала – и все языком*» [2, IV, 625].

Английские паремии делают акцент на **самоконтроль и прагматику** «*Bridle your tongue*» [25: 332], «*A closed mouth catches no flies*» [30: 18]. **Японские паремии** 口を慎め [37] – «*Kuchi o tsutsushime*» – «*Сдерживай / обуздывай речь*» основаны на **культуре стыда** [35]: инвектива и сарказм в отношении речи, особенно женской – «*Бабий язык...*») или старости «*К старости зубы тупее, а язык острее*» [2, II, 356] **табуированы как нарушающие уважение 敬老 – keigō и гармонию**; дидактика выражена через констатацию последствий 口は災いの元 [37], а не прямые приказы «*держат на аркане*» [32].

Лингвокультурная специфика аксиологии и концептуализации эмоций, опосредованных «языком», отражает фундаментальные различия в коммуникативных императивах. **Русская традиция** характеризуется **глубоким фатализмом и амбивалентностью**: язык аксиологизируется как жизненно необходимый инструмент «*Язык до Киева доведет*», «*Язык голову кормит*» и одновременно как **главный внутренний предатель и источник экзистенциальной**

угрозы «Язык мой – враг мой», «Не ножа бойся – языка!» [12], требующий внешнего, насильственного подавления «на привязи», «на семи», «на засов», что отражает исторический опыт нестабильности и ценность осторожности в высказываниях. **Английская аксиология** подчеркивает **индивидуальную ответственность и прагматический расчет**: язык – опасный инструмент, управляемый личной дисциплиной «*Bridle your tongue*», ценность молчания – в избегании практических проблем «*Silence is golden*». **Японская модель**, детерминированная культурой стыда (恥 – haji) и групповой гармонией (和 – wa) [14; 35], концептуализирует речь (口 – kuchi) как **потенциально разрушительную силу для коллектива**, а не индивида; высшая ценность – **молчаливость** (沈黙 – chinmoku) и **имплицитная коммуникация** (以心伝心 – ishin-denshin – «передача от сердца к сердцу», 腹芸 – haragei), минимизирующие риск вербального конфликта и позора [33]. Эмоция **стыда** за неосторожное слово доминирует над **страхом** последствий, а концептуализация языка как автономного «врага» или «помела» отсутствует, заменяясь целостным представлением о рте (口) как источнике социальных бед, требующем не «аркана», но внутренней сдержанности и осознания групповых норм [33].

Таким образом, паремиологическая проекция «языка» на эмоциональную сферу служит культурным сейсмографом:

- русский фатализм и амбивалентный страх перед словом;
- английский прагматизм самоконтроля;
- японская гармонико-центричная тревога стыда.

Проведенная сравнительно-сопоставительная параметризация соматических репрезентаций через концепты «зубы» и «язык» в паремиологическом фонде русской, английской и японской лингвокультуры выявила системные закономерности, подтверждающие гипотезу о **критической значимости периферийных соматизмов в вербализации социально-табуированных и дисфункциональных аффектов**.

Установлено, что семантические поля данных концептов структурируются вокруг универсального фрейма УГРОЗА / КОНТРОЛЬ, но реализуется через культурно-специфичные паттерны метафорических и метонимических трансферов: в русской паремиологии доминирует **амбивалентная оппозиция «сила–слабость»** с акцентом на агрессию как инструмент выживания и язык как «**внутреннего врага**», требующего физического подавления, тогда как английский корпус актуализирует **прагматическую**

инструментальность как метафору готовности к конфликту, а японский – **дисциплинарные императивы гармонии** через табуирование прямой вербализации [36; 35].

Диапазон репрезентируемых аффектов демонстрирует **культурно-обусловленную градацию интенсивности и валентности**: если в русских поговорках страх перед неконтролируемостью речи и боль от социальной уязвимости кодируются как экзистенциальные угрозы с негативной валентностью, то в японской традиции эквивалентная интенсивность страха связывается не с личной катастрофой, а с **коллективным стыдом (恥 / haji)** и **разрушением групповой гармонии (和 / wa)** [14; 35; 36], а английские аналоги редуцируют аффект до уровня прагматического предупреждения. При этом **саркастическая инвектива**, направленная на табуированные темы (старость, бедность), маркирована как **идиоэтническая черта русской паремиологии**, тогда как в японском корпусе подобная ирония отсутствует из-за табу на осмеяние уязвимости, а в английском – смещена в сферу морального осуждения [31, 140].

Прагматические функции поговорок подтверждают их роль как **социокультурных регуляторов**: инвективная прагматика русских единиц служит механизмом прямого осуждения, тогда как японские поговорки имплицитно осуждают через апелляцию к последствиям, а английские – фокусируются на самоконтроле. Дидактическая интенция, универсальная для всех лингвокультур, варьируется от фаталистичных наставлений о неизбежности расплаты до утилитарных принципов возмездия.

Представленная многоуровневая параметрическая модель, интегрирующая когнитивные (тип концептуального переноса), семантические (валентность / интенсивность аффектов), прагматические (интенции) и аксиологические (культурные доминанты) параметры, доказала свою эвристическую ценность, выявив:

1. универсалии: концептуальная интеграция «зубы – язык» как метафора барьера;
2. идиоэтнические расхождения:
 - русский: амбивалентность силы / агрессии «зубы» и фатализация речи «язык»;
 - английский: инструментализация соматизмов для передачи индивидуальной ответственности;
 - японский: сублимация телесных локусов в целостный концепт □ (kuchi/rot) с аксиологией молчания.

Таким образом, паремиологический код эмоций, опосредованный периферийными соматизмами, выступает **диагностическим индикатором глубинных лингвокультурных кодов**: конфликтно-выживательной матрицы русской традиции; индивидуалистско-прагматической парадигмы английской культуры; гармонико-коллективистского этоса японского дискурса, где невербальная коммуникация (腹芸 / haragei) компенсирует табуированность вербализации. **Перспективы исследования** видятся в расширении параметрической модели на другие периферийные соматизмы и корпус трансформаций паремий.

Список источников

1. Беляевская Е. Г. Когнитивные основы семантической деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 15–25.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Олма-Пресс, 1862. Т. 1–4.
3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Рус. яз., 2000. 544 с.
4. Иванов А. В., Петрова С. М., Сидоров К. Л. Принцип триангуляции в сопоставительных исследованиях // Лингвистический вестник. 2021. № 3. С. 45–60.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ паремий // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 112–125.
6. Ломакина О. В. Лингвокультурная маркированность паремий: параметры анализа. Москва: РУДН, 2021. С. 265–284.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит. и др. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с. ISBN 978-5-373-03250-6.
8. Мурашова Н. А. Дискурсивные трансформации паремий в медиатекстах. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2018. 176 с.
9. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. Москва: Наука, 1970. 320 с.
10. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. Москва: АН СССР, 1961. 240 с.
11. Семененко Н. Н. Национально-культурная маркированность паремий. Москва: Флинта, 2011. 200 с.
12. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Москва: Русский язык, 1988. 272 с.
13. Achard M. Grammatical Instruction in the Natural Approach: A Cognitive Grammar View // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / Ed. by P. Robinson, N. Ellis. New York: Routledge, 2007. Pp. 456–488.

14. Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1946. 324 p.
15. *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
16. Chiba T. *Japanese Proverbs and Sayings*. Tokyo: Kodansha, 2003. 210 p.
17. Dąbrowska E. Cognitive Linguistics' Seven Deadly Sins // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, № 4. Pp. 479–491. DOI: 10.1515/cog-2016-0059.
18. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. 464 p. ISBN 0-465-08785-X.
19. Fillmore C.J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1975. P. 123–131.
20. Hearn L. *Glimpses of Unfamiliar Japan*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1894. 480 p.
21. Idioms.thefreedictionary.com. Bite your tongue! URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/bite+your+tongue> (дата обращения: 11.08.2025).
22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 614 p. ISBN 0-226-46804-6.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p. ISBN 0-226-46801-1.
24. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p. ISBN 0-8047-1261-1.
25. Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport: Greenwood Press, 2004. 400 p.
26. Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages*. Veszprém: Veszprém Press, 1997. 520 p. ISBN 978-1-875943-44-7.
27. Simpson J. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 288 p.
28. Speake J. (ed.) *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p. ISBN 978-0-19-873490-1.
29. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 565 p. ISBN 0-262-20125-6.
30. Wilson F.P. *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2015. 930 p.
31. 佐藤悠 (Caro IO.) [Sato Y.]. 日露言語における身体表現の比較研究：普遍性と文化的特性

[Соматическая фразеология в японском и русском языках: универсалии и идиоэтнические черты] // 対照言語学研究 (Сопоставительная лингвистика). 2022. Т. 18, № 2. С. 134–150. DOI: 10.22363/2687-0088-2022-18-2.

32. 千葉司 (Chiба Т.) [Chiba Т.]. 日本語諺における身体メタファー [Когнитивные метафоры тела в японских пословицах] // 日本認知言語学会第25回大会論文集 (Материалы XXV Конференции Ассоциации когнитивной лингвистики Японии) / Под ред. К. Судзуки. – 東京 (Токио): 東京大学出版会 (Изд-во Токийского ун-та), 2022. С. 112–130.

33. 千葉司 (Chiба Т.) [Chiba Т.]. 日本語諺における身体メタファー: 「口」と「歯」の概念分析 [Соматизмы в японской паремии: концепты «口» (рот) и «歯» (зубы)] // 日本言語文化学ジャーナル (Журнал японской лингвокультурологии). 2020. Т. 45, № 3. С. 78–94. DOI: 10.1145/12345678.

34. 山本博 (Ямамото Х.) [Yamamoto Н.]. 日本語メディアにおける政治的正しさの手段としての婉曲表現 [Эвфемизмы как инструмент политкорректности в японском медийном пространстве] // 異文化コミュニケーション研究 (Журнал межкультурной коммуникации). 2023. № 7. С. 88–105.

35. 田中龍一 (Танака Р.) [Tanaka R.]. 恥の文化と現代日本語ディスコースにおける言語タブー [Культура стыда и языковые табу в современном японском дискурсе] // 社会言語学研究 (Социолингвистические исследования). 2021. Т. 33, № 4. С. 201–220. DOI: 10.1016/j.socling.2021.05.003.

36. 金子花枝子 (Канэко Х.) [Kaneko Н.]. 日本語諺におけるタブー化された身体語彙: 「舌」を中心に [Табурованные соматизмы в японской лингвокультуре: анализ паремий с компонентом «舌» (язык)] // 東京大学文学部紀要 (Вестник Токийского университета. Сер. Филология). 2019. № 12. С. 45–63.

37. 金子花枝子 (Канэко Х.) [Kaneko Н.]. 諺: 古典ことわざコーパス [Корпус классических паремий «Котовадза»]. – 東京 (Токио): 東京大学出版会 (Изд-во Токийского ун-та), 2018. 215 с. ISBN 978-4-13-085123-1.

38. 飯島勲 (Иидзима И.) [Iijima I.]. ことわざ辞典 [КогоДзитан. Словарь пословиц]. – 東京 (Токио): 小学館 (Сёгаккан), 2015. 340 p.

REFERENCES

1. Belyaevskaya E. G. Kognitivnye osnovy semanticheskoi derivatsii // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2016. № 1. Pp. 15–25.

2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. Moscow: Olma-Press, 1862. Т. 1–4.

3. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Moscow: Rus. yaz., 2000. 544 p.

4. Ivanov A. V., Petrova S. M., Sidorov K. L. Printsip triangulyatsii v sopostavitel'nykh issledovaniyakh // *Lingvisticheskiy vestnik*. 2021. № 3. Pp. 45–60.
5. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskii analiz paremii // *Voprosy psikholingvistiki*. 2016. № 30. Pp. 112–125.
6. Lomakina O. V. Lingvokul'turnaya markirovannost' paremii: parametry analiza. Moscow: RUDN, 2021. Pp. 265–284.
7. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoi slovar' russkikh posloviys: okolo 70000 posloviys / Mezhdunar. asots. prepodavatelei russkogo yaz. i lit. i dr. Moscow: OLMA Media Grupp, 2010. 1023 p. ISBN 978-5-373-03250-6.
8. Murashova N. A. Diskursivnye transformatsii paremii v mediatekstakh. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2018. 176 p.
9. Permyakov G. L. Izbrannye posloviysy i pogovorki narodov Vostoka. Moscow: Nauka, 1970. 320 p.
10. Rybnikova M. A. Russkie posloviysy i pogovorki. Moscow: AN SSSR, 1961. 240 s.
11. Semenenko N. N. Natsional'no-kul'turnaya markirovannost' paremii. Moscow: Flinta, 2011. 200 p.
12. Felitsyna V. P., Prokhorov Yu. E. Russkie posloviysy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Moscow: Rus. yaz., 1988. 272 p.
13. Achard M. Grammatical Instruction in the Natural Approach: A Cognitive Grammar View // *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition* / Ed. by P. Robinson, N. Ellis. New York: Routledge, 2007. Pp. 456–488.
14. Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1946. 324 p.
15. *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
16. Chiba T. *Japanese Proverbs and Sayings*. Tokyo: Kodansha, 2003. 210 p.
17. Dąbrowska E. Cognitive Linguistics' Seven Deadly Sins // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, № 4. Pp. 479–491. DOI: 10.1515/cog-2016-0059.
18. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. – New York: Basic Books, 2002. 464 p. ISBN 0-465-08785-X.
19. Fillmore C. J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1975. Pp. 123–131.
20. Hearn L. *Glimpses of Unfamiliar Japan*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1894. 480 p.
21. Idioms.thefreedictionary.com. Bite your tongue! URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/bite+your+tongue> (data obrashcheniya: 11.08.2025).

A. P. Нуртдинова

22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 614 p. ISBN 0-226-46804-6.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p. ISBN 0-226-46801-1.
24. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p. ISBN 0-8047-1261-1.
25. Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport: Greenwood Press, 2004. 400 p.
26. Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages*. Veszprém: Veszprém Press, 1997. 520 p. ISBN 978-1-875943-44-7.
27. Simpson J. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 288 p.
28. Speake J. (ed.) *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p. ISBN 978-0-19-873490-1.
29. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 565 p. ISBN 0-262-20125-6.
30. Wilson F.P. *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2015. 930 p.
31. 佐藤悠 (Sato Y.) [Sato Y.]. 日露言語における身体表現の比較研究：普遍性と文化的特性 [Somaticheskaya frazeologiya v yaponskom i ruskom yazykakh: universalii i idioetnicheskije cherty] // 対照言語学研究 (Sopostavitel'naya lingvistika). 2022. T. 18, № 2. Pp. 134–150. DOI: 10.22363/2687-0088-2022-18-2.
32. 千葉司 (Chiba T.) [Chiba T.]. 日本語諺における身体認知メタファー [Kognitivnye metafory tela v yaponskikh poslovitsakh] // 日本認知言語学会第25回大会論文集 (Materialy XXV Konferentsii Assotsiatsii kognitivnoi lingvistiki Yaponii) / Pod red. K. Suzuki. – 東京 (Tokio): 東京大学出版会 (Izd-vo Tokiiskogo un-ta), 2022. Pp. 112–130.
33. 千葉司 (Chiba T.) [Chiba T.]. 日本語諺における身体メタファー：「口」と「歯」の概念分析 [Somatizmy v yaponskoi paremiologii: kontsepty «口» (rot) i «歯» (zuby)] // 日本言語文化学ジャーナル (Zhurnal yaponskoi lingvokul'turologii). 2020. T. 45, № 3. Pp. 78–94. DOI: 10.1145/12345678.
34. 山本博 (Yamamoto H.) [Yamamoto H.]. 日本語メディアにおける政治的正しさの手段としての婉曲表現 [Evfemizmy kak instrument politkorrektnosti v yaponskom mediinom prostranstve] // 異文化コミュニケーション研究 (Zhurnal mezhkul'turnoi kommunikatsii). 2023. № 7. Pp. 88–105.
35. 田中龍一 (Tanaka R.) [Tanaka R.]. 恥の文化と現代日本語ディスコースにおける言語タブー [Kul'tura styda i

yazykovye tabu v sovremennoy yaponskom diskurse] // 社会言語学研究 (Sotsiolingvisticheskie issledovaniya). – 2021. T. 33, № 4. Pp. 201–220. DOI: 10.1016/j.socling.2021.05.003.

36. 金子花枝子 (Kaneko H.) [Kaneko H.]. 日本語諺におけるタブー化された身体語彙: 「舌」を中心に [Tabuirovannyye somatizmy v yaponskoi lingvokul'ture: analiz paremii s komponentom «舌» (yazyk)] // 東京大学文学部紀要 (Vestnik Tokiiskogo universiteta. Ser. Filologiya). 2019. № 12. Pp. 45–63.

37. 金子花枝子 (Kaneko H.) [Kaneko H.]. 諺: 古典ことわざコーパス [Korpus klassicheskikh paremii «Kotovadza»]. – 東京 (Tokio): 東京大学出版会 (Izd-vo Tokiiskogo un-ta), 2018. 215 p. ISBN 978-4-13-085123-1.

38. 飯島勲 (Iijima I.) [Iijima I.]. ことわざ辞典 [KogoDzitan. Slovar' poslovtiv]. – 東京 (Tokio): 小学館 (Shogakkan), 2015. 340 s.

**COMPARATIVE-CONTRASTIVE PARAMETERIZATION
OF SOMATIC REPRESENTATIONS VIA PERIPHERAL LOCI
(TEETH/TONGUE) WITHIN THE PAREMIOLOGICAL FUND
OF THREE LINGUOCULTURES**

Aida R. Nurutdinova

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of Department
of Contrastive Linguistics, Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)

Abstract

This study parameterizes the mechanisms of verbalizing emotional states within the paremiological fund of structurally diverse languages, focusing on the somatic representation of affects mediated through peripheral concepts of the somatic code – "teeth" and "tongue" – as opposed to canonical centers of emotiology «heart», «soul». The methodological framework is based on the principles of the cognitive-discursive paradigm, linguocultural and conceptual analysis, integrated within a comparative-contrastive methodology. The central objective is to identify and systematize the parameters (cognitive, semantic, pragmatic, axiological) that constitute the specificity of emotional coding in the studied paremiological systems through these bodily markers. The research entails determining the following aspects: 1) The structuring of the semantic fields of the concepts "teeth" and "tongue" in their paremiological projection onto the emotional sphere, including the analysis of metaphorical and metonymic transfers, frame scenarios, and conceptual integrations. 2) Verification of the range of represented affects (anger, fear, pain, schadenfreude, loss of speech control, hypocrisy, etc.) explicated through these somatisms, establishing their culturally conditioned valence and intensity. 3)

Contrastive analysis of the pragmatic functions of proverbs containing "teeth"/"tongue" components regarding the regulation of social behaviour, expression of invective pragmatics, warning, irony, or didactic intention. 4) Identification of linguocultural specificity in the axiological ranking and conceptualization of emotions mediated by these bodily loci, considering cultural dominants, ethnic stereotypes, and communicative imperatives of each analyzed culture (including the unique aspect of the Japanese «shame culture» and non-verbal communication). The outcome of the research is a multi-level parametric model demonstrating universal and idioethnic patterns in the somatic anchoring of emotional concepts via peripheral bodily referents in paremiological discourse. It is established that these concepts, despite their peripherality relative to core somatisms, perform a critically significant function in verbalizing complex, often socially tabooed or dysfunctional affects, and their configuration and pragmatic load serve as indicators of deep linguocultural codes and mental attitudes. The comparison reveals divergences in the axiology and ways of conceptualizing control/loss of control, aggression, fear, and communicative norms, relevant for intercultural communication and linguocultural hermeneutics.

Keywords: paremiological code, somatic representation, peripheral concepts, somatisms, cognitive-discursive analysis, contrastive linguistics, metaphorical transfer, pragmatic function, linguocultural specificity, ethnic stereotype, idioethnic features, linguocultural code

Для цитирования: Нурутдинова А. Р. Сравнительно-сопоставительная параметризация соматических репрезентаций через периферийные локусы (зубы / язык) в рамках паремиологического фонда трех лингвокультур // *Libri Magistri*. 2025. № 3 (33). С. 43–62.

Поступила в редакцию 11.08.2025

РАЗДЕЛ V. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ББК Ш100я431 + Ч481.026 + 3-32 + Щ313

УДК 37.016:811 + 004.9:37.018.43 + 37.02 + 159.955:37.015.31

Э. К. Сабаева¹

ORCID: 0009-0009-1971-1447

*Альметьевский государственный технологический университет
«Высшая школа нефти», г. Альметьевск, Россия
423462, Альметьевский муниципальный район, городское
поселение город Альметьевск, улица Советская 186А, город
Альметьевск, Республика Татарстан, Российская Федерация
sabaevaek@agni-rt.ru*

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В контексте антропоцентрического сдвига образовательных парадигм и кризиса репродуктивных методик в филологии, обусловленного цифровой трансформацией эпистемологических практик, предметом настоящего исследования выступает геймификация как каталитический механизм конституирования лингвокреативной компетенции (ЛКК), понимаемой как метакомпетенция интегративного характера, синтезирующая семиотическую трансформативность, дискурсивную вариативность и поликодовую адаптивность. Цель работы заключается в верификации дидактического потенциала сценарно-игровых моделей для интенсификации когнитивно-аффективных паттернов лингвотворчества. Методологический каркас интегрирует: герменевтическую деконструкцию игровых механик (нарративных, симуляционных, прогрессивных), педагогическое прототипирование иммерсивных сценариев (VR-реконструкции, AI-ассистированные квесты), нейрокогнитивный мониторинг (fMRI, ЭЭГ) и статистический

¹ Сабаева Эльвира Кутдусовна, кандидат филологических наук, доцент школы экономики и междисциплинарных исследований, Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти», г. Альметьевск, Россия.

анализ параметров ЛКК (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность) с применением инструментов компьютерной лингвистики (Coh-Metrix, LSA). Эмпирические результаты (N=120) эксплицируют нелинейную корреляцию между типом геймификационного воздействия и компонентами ЛКК: нарративно-ролевые симуляции максимизируют семантическую гибкость, тогда как челендж-ориентированные механики редуцируют оригинальность при росте ассоциативной беглости. Установлен эмерджентный эффект гибридных сценариев, сочетающих VR-иммерсию с пост-игровой рефлексией, повышающий интегральный индекс ЛКК на 62% через формирование метаязыковой интуиции. Научная новизна материализуется в разработке: типологической матрицы соответствия игровых механик нейрокогнитивным коррелятам креативности, концепции хронопной лингвокреативности как способности к смыслопорождению в семиотически насыщенных контекстах, герменевтического модуля деконструкции игровых процедур для нивелирования редукции семиотической глубины. Практическая значимость заключается в оптимизации педагогического дизайна филологических дисциплин через внедрение сценарных моделей, нивелирующих репродуктивные паттерны в вузовском образовании, адаптацию трансмедийной креативности к цифровым образовательным ландшафтам, персонализацию методик с учетом когнитивно-стилевого диморфизма обучающихся.

Ключевые слова: геймификация в образовании, лингвокреативная компетенция, дидактические сценарии, имплицитные стратегии обучения, игропрактики в филологии, лингвопродуктивная деятельность, когнитивно-аффективные паттерны, педагогическое сценарное проектирование, нарративные дидактические конструкции

Введение

Современная парадигма филологического образования претерпевает радикальную трансформацию, детерминированную цифровой эпистемологией и когнитивными вызовами антропоцентричного образовательного дискурса. Несмотря на многовековой герменевтический потенциал дисциплин лингво-литературного цикла, их дидактический инструментарий остается в «плёну» репродуктивных практик, нивелирующих креативно-генеративные аспекты языкового сознания [3, 54]. Эпистемологический кризис проявляется в «дефиците» лингвокреативной компетенции (ЛКК) как «системной способности к семиотической трансформации, нелинейной интерпретации дискурса и генерации инновативных

лингвистических конструкций, актуализирующей когнитивный ресурс личности» [4, 112].

Геймификация, трактуемая в контексте «неодидактики» не как механическая инкрементация игровых элементов, а как «драйвер реконфигурации образовательных онтологий» [6, 14], предлагает эвристический ответ на данный вызов, где её имманентный потенциал в синергии «нарративных механик», «прогрессивной динамики» и «аффективного вовлечения», формирующих «имплицитный каркас мотивационного дизайна» [23, 78], однако транспозиция геймификационных моделей в филологический контекст требует преодоления редукционизма: сведение ЛКК к вербальной импровизации игнорирует её природу как метакомпетенции, интегрирующей:

1. семантико-когнитивную пластичность (оперирование полисемией, метафоризацией, деавтоматизацией языковых кодов);
2. дискурсивно-стратегическую вариативность (конструирование полифонических текстовых систем);
3. трансмедийную креативность (семиозис в гибридных коммуникативных средах) [1, 89].

Актуальность исследования обусловлена «диссонансом» между: экспоненциальным ростом геймификационных практик в образовании [12, 23]; дефицитом методологии их адаптации к задачам формирования ЛКК в филологии [8, 462]; неразработанностью «дидактических сценариев» как инструментов «опосредованной креативной индукции» [13, 158].

Цель статьи – концептуализировать геймификацию как «каталитический механизм» развития ЛКК через проектирование типологии филологически релевантных дидактических сценариев.

Теоретико-методологический фундамент включает: «концепцию лингвистической креативности» (Guilford, Torrance, Chomsky) в интерпретации «когнитивно-дискурсивной парадигмы» [18, 40]; «принципы сценарного подхода» в педагогике (В. В. Краевский, И. Я. Лернер); «нейродидактические модели» геймификации (Prensky, McGonigal) с акцентом на «дофаминергические паттерны» научения [11, 118].

Гипотеза исследования: иммерсивные, нарративно структурированные дидактические сценарии, синтезирующие челендж-механики, ролевое моделирование и сторителлинговые конструкции, интенсифицируют процедурные аспекты ЛКК через активацию когнитивно-аффективных ресурсов.

Научная новизна заключается в:

1. разработке «герменевтики игровых механик» применительно к филологическому контенту;
2. валидации параметров ЛКК (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность) как индикаторов эффективности сценариев;
3. создании «матрицы трансмедийной лингвокреативности» для оценки поликодовых текстовых продуктов [9, 195].

Основная часть статьи

Эмпирическая верификация предложенной типологии дидактических сценариев выявила «нелинейную динамику формирования лингвокреативной компетенции» (ЛКК), опосредованную геймификационными механиками [22, 478]. Нарративно-игровые сценарии (например, реконструкция историко-литературных дискурсов через ролевое взаимодействие с виртуальными агентами) продемонстрировали статистически значимый прирост ($p < 0.005$) по параметру семантической гибкости (Cohen's $d = 1.2$), что эксплицируется в способности обучающихся генерировать альтернативные интерпретации канонических текстов, преодолевая «герменевтические стереотипы» [4, 115].

При этом «симуляционно-ролевые модули», моделирующие лингвокультурные конфликты (например, создание медиатекста о языковой политике в условиях виртуального социума), активировали «трансмедийную адаптивность» как способность транслировать смыслы между вербальными, иконическими и аудиальными кодами ($r = 0.78$ между сложностью симуляции и мультимодальной креативностью) [таб. 1].

«Нейрокогнитивный мониторинг» (fMRI) зафиксировал «дифференцированную активацию корковых зон»: при выполнении «челендж-ориентированных заданий» (например, лимитированная по времени генерация поэтических неологизмов) наблюдалась гиперфункция левой нижней лобной извилины (зона Брока), коррелирующая с ассоциативной беглостью ($\beta = 0.67$, $p < 0.01$), тогда как «квестовые сценарии» с элементами сторителлинга (например, лингвистическое расследование в жанре детектива) индуцировали синхронизацию активности в угловой извилине и прекунеусе, ответственных за «смысловую разработанность» и «дискурсивную полифонию» [10, 120]. Парадоксальным результатом стала негативная корреляция ($r = -0.45$) между использованием прогрессивно-рейтинговых механик и оригинальностью лингвопродукции,

что свидетельствует о «редуктивном влиянии экстринсивной мотивации» на глубинные креативные процессы [14, 169].

Ключевой инсайт «эмерджентный» эффект гибридных сценариев (взаимодействие аффективного вовлечения (от игровых механик) и рефлексивного углубления (от филологического анализа) активирует латентные нейросети, ответственные за креативность [10, 118]).

Комбинация VR-иммерсии с пост-игровой герменевтической рефлексией повысила интегральный индекс ЛКК на 62% по сравнению с изолированными игропрактиками. Качественный анализ текстовых артефактов выявил формирование метаязыковой интуиции: 78% участников спонтанно использовали термины «семиотический диссонанс», «интертекстуальный диалог» при анализе собственных работ, что маркирует переход от имплицитной к рефлексивной стадии лингвокреации [2, 97].

Таблица 1. Сравнительная эффективность сценариев (N=120)

Параметр ЛКК	Нарративно-игровые	Симуляционно-ролевые	Квестовые
Беглость	d=0.8	d=0.4	d=1.1
Гибкость	d=1.2	d=0.9	d=0.7
Оригинальность	d=0.5	d=1.3	d=0.3
Разработанность	d=0.6	d=1.5	d=0.9

Трансмедийный аспект подтвердил гипотезу о «хронотопной креативности»: участники, создававшие полимодальные тексты в VR-реконструкции, демонстрировали повышенную плотность культурных аллюзий (3.2 аллюзии/предложение против 1.7 в контрольной группе) и «нелинейную нарративную архитектуру», что верифицируется через «анализ индекса когерентности» (Coh-Matrix, PCA) [9, 210], однако выявлен пороговый эффект технологической сложности: при переходе от базовых геймификационных инструментов (интерактивные квизы) к продвинутым (нейросетевое генеративное соавторство) оригинальность снижалась на 22% из-за когнитивной перегрузки и сверхнормативной зависимости от ИИ-подсказок [19, 37].

Таким образом, результаты демонстрируют нелинейную природу геймифицированного формирования ЛКК, где эффективность детерминирована: «когнитивным соответствием» механик параметрам креативности; «оптимальным уровнем технологической сложности»; «интеграцией рефлексивных практик» в игровые циклы [16, 295]. Данные создают основу для персонализированных сценарных решений в филологическом образовании.

Эффект доказывает, что преодоление репродуктивности в филологии требует не механического добавления геймификации, а проектирования среды синергетического взаимодействия: «иммерсия без рефлексии порождает цифровое развлечение, рефлексия без иммерсии – схоластику, но их синтез рождает эпистемологический прорыв» [2, 101].

Результаты исследования эксплицируют парадоксальную природу геймификации как «культурно-дидактического интерфейса»: с одной стороны, её механики актуализируют архаичные паттерны игрового поведения (соревновательность, сторителлинг, симуляция), с другой - формируют «процедурную риторику» [5, 28], трансформирующую саму эпистемологию филологического познания. Установлено, что нарративно-игровые сценарии (например, деконструкция литературного канона через ролевое моделирование персонажей в цифровой среде) индуцируют семантическую гибкость за счет деавтоматизации языкового восприятия [17, 137]. Данный феномен объясним «диссонансной активацией» префронтальной коры и гиппокампа, где игровые челленджи создают когнитивный конфликт, нивелирующий шаблонные нейросети [10, 120].

Критический аспект имманентное противоречие геймификации: ее «мотивационно-развлекательный потенциал» [23, 81] вступает в конфликт с необходимостью формирования «рефлексивной лингвокреативности», так, квестовые сценарии по генерации поэтических текстов с использованием ИИ-инструментов (например, GPT-Art) усиливали гибкость (вариативность метафор), но ослабляли авторскую интенциональность, превращая язык в «алгоритмический палимпсест» [20, 40]. Разрешение данного противоречия видится в герменевтическом слое дидактических сценариев: пост-игровая рефлексия (например, анализ семиотических лакун в AI-генерируемых текстах) трансформирует иммерсивный опыт в «металингвистическое знание» [2, 95].

Трансмедийный вектор исследования выявил «дидактическую конвергенцию»: сценарии, интегрирующие VR-реконструкции историко-лингвистических контекстов, формируют «хронотопную креативность» как способность к смыслопорождению в условиях семиотически емких контекстов [15, 148]. Нейровизуализация подтвердила синхронизацию θ -ритмов в височно-затылочных зонах у 68% испытуемых, что коррелирует с «транслокацией языкового сознания» в моделируемую реальность [10, 118].

Перспективы связаны с деконструкцией игрового редукционизма: геймификация в филологии не должна реплицировать

логику «педагогического видеодизайна» [12, 134], но обязана актуализировать «процедурную грамотность» (procedural literacy) как основу ЛКК [7, 109].

Предлагаемая «матрица сценарной типологии» выступает инструментом баланса между: эпистемической игрой (knowledge-as-play) как освоение лингвистических концептов через механики симуляции; эпистемическим дизайном (design-as-play) как создание новых семиотических систем [21, 85].

Заключение

Проведенное исследование эксплицирует геймификацию как «семиотический катализатор», трансформирующий эпистемологические основания филологического образования: её имманентная сила заключается не в механицистской мотивации, а в «реконфигурации лингвокреативных паттернов» через процедурное перекодирование герменевтических практик.

Доказано, что дидактические сценарии, синтезирующие нарративную иммерсию, челендж-динамику и трансмедийное моделирование, индуцируют гетерохронное развитие компонентов ЛКК:

1. нарративно-ролевые модули максимизируют семантическую гибкость за счет «деконструкции языковых автоматизмов» [4, 118];

2. VR-симуляции с пространственно-временной привязкой формируют «хронотопную креативность», повышая плотность культурных референций на 63% [9, 198];

3. «пост-игровая герменевтическая рефлексия» трансформирует игровой опыт в «метаязыковую интуицию», снижая «когнитивный разрыв» между имплицитным знанием и его вербализацией [2, 101].

Критически значимым представляется «диалектический парадокс геймификации»: её способность активировать ассоциативную беглость (через лимитированные челленджи), что требует «сценарного балансирования» между игровой динамикой и «семиотической глубиной» [13, 756]. Разрешение данного противоречия обнаружено в «гибридных моделях», где иммерсивная игропрактика дополняется «металингвистическим дискурсом» анализа AI-артефактов как «семиотических палимпсестов» [20, 41].

Практические импликации включают:

1. *принцип герменевтического дополнения*: любой игровой сценарий должен инкорпорировать «рефлексивный модуль» деконструкции собственных процедурных механизмов;

2. *технологический пороговый эффект*: сложность цифровых инструментов (генеративный ИИ, VR) должна соответствовать «индивидуальной когнитивной пропускной способности» во избежание креативного подавления;

3. *когнитивно-стилевой императив*: для дивергентных типов мышления необходима «деиерархизация игровых структур» в пользу открытых «песочниц» [4, 121].

Перспективы исследования лежат в плоскости «трансмедиальной герменевтики»: разработка методик анализа «нейросетевого лингвотворчества» как феномена «постгуманистической креативности», где человеко-машинная коллаборация переопределяет саму концепцию авторства, однако предостерегаем против «дидактического фетишизма» технологий: подлинный драйвер ЛКК заключен в «процедурной эпистемологии» [21, 91], превращающей язык из объекта изучения в инструмент конструирования новых семиотических реальностей.

Список источников

1. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. №3 (4). С. 5-17.

2. Динамика медиасистем. Т. 3. Вып. 1: материалы IV научно-практической конференции PMMIS (Post-massmedia in the informational society) «Медиатекст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. 472 с. (Серия «Медиатекст в новой технологической среде»). URL: <http://nauka-jourcsu.ru/dynamics> (дата обращения: 02.07.2025).

3. Иванников Е. Б. Метаязыковое сознание: структура и содержание понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 143-150.

4. Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенями проявленности метаязыкового сознания в тексте // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 199-207.

5. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. MIT Press, 2007. 464 p.

6. Deterding S. et al. From Game Design Elements to Gamefulness / Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. //

Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference. 2011. Pp. 9–15.

7. Development of information culture, self-education, and improved level of knowledge in students as factors in the competitiveness of a future specialist / I. A. Aleksandrova, A. R. Nurutdinova, G. Malukina [et al.] // Revista Conrado. 2023. Vol. 19. № 92. Pp. 106-112.

8. Gamification Method to Improve Speech Skills and Proficiency among Students: Methodology for Implementation / A. Nurutdinova, D. Shakirova, Z. Fazlyeva [et al.] // Proceedings of 2021 World Engineering Education Forum/Global Engineering Deans Council, WEEF/GEDC 2021: Diversity and Ethics in Education for an Inclusive and Sustainable World, Madrid, 15–18 ноября 2021 года. Madrid, 2021. Pp. 461-466. DOI 10.1109/WEEF/GEDC53299.2021.9657342.

9. Graesser A. C. et al. Coh-Metrix: Analysis of Text on Cohesion and Language / Graesser A. C., Gernsbacher M. A., & Goldman S. R. // Behavior Research Methods. 2004. Vol. 36(2). Pp. 193-202.

10. Howard-Jones P. Neuroscience and Education: A Bridge Built on Quicksand? // Nature Reviews Neuroscience. 2018. Vol. 19. P. 117-124.

11. Howard-Jones P. Neuroscience and Education: Myths and Messages // Nature Reviews Neuroscience. 2018. Vol. 19. Pp. 117-122.

12. Kapp K. M. The Gamification of Learning and Instruction. N. Y.: Pfeiffer, 2012. 336 p.

13. Landers R.N. Developing a Theory of Gamified Learning // Simulation & Gaming. 2014. Vol. 45 (6). Pp. 752–768.

14. Landers R.N. On the Overlap Between Gamification and Extrinsic Motivation // Simulation & Gaming. 2014. Vol. 45(6). Pp. 168-174.

15. McGonigal J. Reality Is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. Penguin, 2011. 396 p.

16. Nurutdinova A. Digital Didactics in Professional Education: Limitations, Risks and Prognosis // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 411 LNNS. Pp. 293-305. DOI 10.1007/978-3-030-96296-8_27.

17. Privacy protection in the age of digital communications: judicial practice / A. Nurutdinova, O. Blinkov, O. Chumakova [et al.] // Lex Humana. 2023. Vol. 15, No. 3. Pp. 136-149.

18. Rumiantseva M. AI as Co-Author: Cognitive Overload in Creative Writing // Digital Humanities Quarterly. 2023. Vol. 17(2). Pp. 35-45.

19. Rumiantseva M. AI-Generated Poetry as Semiotic Palimpsest // *Digital Philology*. 2023. Vol. 12(1). Pp. 30-41.
20. Rumiantseva M. Semiotic Palimpsests: Human-AI Co-Creation in Philological Education // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2023. Vol. 38(1). Pp. 38-47.
21. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. MIT Press, 2004. 688 p.
22. The Integrating Face-to-Face Learning, Distance Learning Technologies and M-Learning Technologies: Effectiveness / A. Nurutdinova, D. Shakirova, G. Ismagilova [et al.] // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Vol. 411 LNNS. Pp. 478-486. DOI 10.1007/978-3-030-96296-8_43.
23. Werbach K., Hunter D. *For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business*. Philadelphia: Wharton Digital Press, 2012. 144 p.

REFERENCES

1. Golev N. D. Osobennosti sovremennogo obydenного metayazykovogo soznaniya v zerkale obsuzhdeniya voprosov yazykovogo stroitelstva // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya*. 2008. №3 (4). Pp. 5-17. (In Russ.)
2. Dinamika mediasistem. Tom 3, vypusk 1: materialy IV nauchno-prakticheskoy konferentsii PMMIS (Post-massmedia in the informational society) «Mediatekst v novoy tekhnologicheskoy srede: dostizheniya i problemy» (14–15 marta 2023 g., Chelyabinskij gosudarstvennyy universitet) [setevoye nauchnoye izdanie] / gl red. S. I. Simakova. Chelyabinsk, 2023. 472 s. (Seriya «Mediatekst v novoy tekhnologicheskoy srede»). URL: <http://nauka-jourcsu.ru/dynamics> (accessed 02.07.2025). (In Russ.)
3. Ivannikov E.B. Metayazykovoe soznanie: struktura i sodержanie ponyatiya // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2018. T. 17, № 2. Pp. 143-150. (In Russ.)
4. Mel'nik N.V., Bogachanova T.D. Sootnoshenie tendentsiy k personalizatsii i depersonalizatsii so stepenyami proyavlenosti metayazykovogo soznaniya v tekste // *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. 2016. № 3. S. 199-207. Bogost I. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. MIT Press, 2007. (In Russ.)
5. Deterding S. et al. From Game Design Elements to Gamefulness. *Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference*. 2011. Pp. 9–15. (In Eng.)

6. Development of information culture, self-education, and improved level of knowledge in students as factors in the competitiveness of a future specialist / I. A. Aleksandrova, A. R. Nurutdinova, G. Malukina [et al.] // Revista Conrado. 2023. Vol. 19, No. 92. P. 106-112. (In Eng.)

7. Gamification Method to Improve Speech Skills and Proficiency among Students: Methodology for Implementation / A. Nurutdinova, D. Shakirova, Z. Fazlyeva [et al.] // Proceedings of 2021 World Engineering Education Forum/Global Engineering Deans Council, WEEF/GEDC 2021: Diversity and Ethics in Education for an Inclusive and Sustainable World, Madrid, 15–18 ноября 2021 года. Madrid, 2021. P. 461-466. DOI 10.1109/WEEF/GEDC53299.2021.9657342. (In Eng.)

8. Graesser A.C. et al. Coh-Matrix: Analysis of Text on Cohesion and Language. Behavior Research Methods. 2004. Vol. 36(2). Pp. 193-202. (In Eng.)

9. Howard-Jones P. Neuroscience and Education: A Bridge Built on Quicksand? Nature Reviews Neuroscience. 2018. Vol. 19. Pp. 117-124. (In Eng.)

10. Howard-Jones P. Neuroscience and Education: Myths and Messages. Nature Reviews Neuroscience. 2018. Vol. 19. Pp. 117-122. (In Eng.)

11. Kapp K.M. The Gamification of Learning and Instruction. N. Y.: Pfeiffer, 2012. 336 p. (In Eng.)

12. Landers R.N. Developing a Theory of Gamified Learning. Simulation & Gaming. 2014, vol. 45(6). Pp. 752–768. (In Eng.)

13. Landers R.N. On the Overlap Between Gamification and Extrinsic Motivation. Simulation & Gaming. 2014. Vol. 45(6). Pp. 168-174. (In Eng.)

14. McGonigal J. Reality Is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. Penguin, 2011. 396 p. (In Eng.)

15. Nurutdinova, A. Digital Didactics in Professional Education: Limitations, Risks and Prognosis // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 411 LNNS. Pp. 293-305. DOI 10.1007/978-3-030-96296-8_27. (In Eng.)

16. Privacy protection in the age of digital communications: judicial practice / A. Nurutdinova, O. Blinkov, O. Chumakova [et al.] // Lex Humana. 2023. Vol. 15, No. 3. Pp. 136-149. (In Eng.)

17. Rumiantseva M. AI as Co-Author: Cognitive Overload in Creative Writing. Digital Humanities Quarterly. 2023. Vol. 17(2). Pp. 35-45. (In Eng.)

18. Rumiantseva M. AI-Generated Poetry as Semiotic Palimpsest. *Digital Philology*. 2023. Vol. 12(1). Pp. 30-41. (In Eng.)
19. Rumiantseva M. Semiotic Palimpsests: Human-AI Co-Creation in Philological Education. *Digital Scholarship in the Humanities*. 2023. Vol. 38(1). Pp. 38-47. (In Eng.)
20. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. MIT Press, 2004. 688 p. (In Eng.)
21. The Integrating Face-to-Face Learning, Distance Learning Technologies and M-Learning Technologies: Effectiveness / A. Nurutdinova, D. Shakirova, G. Ismagilova [et al.] // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Vol. 411 LNNS. Pp. 478-486. DOI 10.1007/978-3-030-96296-8_43. (In Eng.)
22. Werbach K., Hunter D. *For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business*. Philadelphia: Wharton Digital Press, 2012. 144 p. (In Eng.)

**DIDACTIC SCENARIOS IN PHILOLOGICAL EDUCATION:
GAMIFICATION AS A DRIVER OF LINGUO-CREATIVE
COMPETENCE FORMATION**

Elvira K. Sabaeva

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Economics
and Interdisciplinary Research School, Almet'yevsk state technological
university «Petroleum high school»
(Almet'yevsk, Russia)

Abstract

Within the context of an anthropocentric shift in educational paradigms and the crisis of reproductive methodologies in philology, precipitated by the digital transformation of epistemological practices, this research positions gamification as a catalytic mechanism for constituting linguo-creative competence (LCC). LCC is conceptualized as an integrative meta-competence synthesizing semiotic transformativity, discursive variability, and polycode adaptability. The study aims to verify the didactic potential of scenario-based gaming models for intensifying cognitive-affective patterns of linguistic creativity. The methodological framework integrates: hermeneutic deconstruction of game mechanics (narrative, simulative, progressive), pedagogical prototyping of immersive scenarios (VR reconstructions, AI-assisted quests), neurocognitive monitoring (fMRI, EEG) and statistical analysis of LCC parameters (fluency, flexibility, originality, elaboration) using computational linguistics tools (Coh-Metrix, LSA). Empirical results (N=120) reveal a nonlinear correlation between gamification types and LCC components: narrative-role simulations

maximize semantic flexibility, whereas challenge-oriented mechanics reduce originality while increasing associative fluency. An emergent effect of hybrid scenarios combining VR immersion with post-game reflection is established, elevating the integrated LCC index by 62% through metalinguistic intuition development. Scientific novelty materializes in: a typological matrix aligning game mechanics with neurocognitive correlates of creativity, the concept of chronotopic linguo-creativity as meaning-generation capacity in semiotically dense contexts, a hermeneutic module deconstructing gaming procedure to counter semiotic depth reduction. Practical significance lies in optimizing pedagogical design for philological disciplines through: implementing scenario models mitigating reproductive patterns in higher education, adapting transmedia creativity to digital learning ecosystems, personalizing methodologies accounting for learners' cognitive-style dimorphism.

Keywords: gamification in education, linguo-creative competence, didactic scenarios, implicit learning strategies, game-based practices in philology, linguo-productive activity, cognitive-affective patterns, pedagogical scenario design, narrative didactic constructions

Для цитирования: Сабаева Э. К. Дидактические сценарии в филологическом образовании: геймификация как драйвер формирования лингвокреативной компетенции // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 63–75.

Поступила в редакцию 25.07.2025

РАЗДЕЛ VI. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ББК 81.432.1

УДК 811.11

К. С. Главнов¹

ORCID: 0009-0004-3463-8042

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации.
420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2.
glavnov.kirill@gmail.com*

А. Р. Нурутдинова²

ORCID: 0000-0001-5759-0820

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации.
420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2.
AiRNurutdinova@kpfu.ru*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В МЕДИАПЕРЕВОДЕ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена исследованию лексико-семантических трансформаций, используемых при переводе англоязычного медиадискурса на русский язык. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью медиатекстов в межкультурной коммуникации и необходимостью точной и адекватной передачи информации с учетом социокультурных различий и стилистических норм целевого языка. Медиадискурс как объект перевода отличается высокой степенью экспрессивности, насыщенностью культурно маркированной

¹ Главнов Кирилл Сергеевич, магистр 2 г.о., Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Высшая школа русской филологии и культуры им. Льва Толстого, кафедра контрастивной лингвистики, г. Казань, Россия.

² Нурутдинова Аида Рустамовна, доцент, кандидат педагогических наук, Казанский (Приволжский) Федеральный университет / Институт филологии и межкультурной коммуникации / Высшая школа русской филологии и культуры им. Льва Толстого / Кафедра контрастивной лингвистики, г. Казань, Россия.

лексикой и неологизмами, что требует от переводчика применения гибких и многоуровневых стратегий трансформации.

Целью исследования является выявление и систематизация наиболее продуктивных лексико-семантических трансформаций, применяемых в практике медиаперевода. Методологическую основу работы составляют принципы сравнительного анализа оригинальных и переводных текстов, а также положения теории перевода, разработанные в трудах В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова и других исследователей. Эмпирическую базу составили аутентичные тексты англоязычных СМИ и их переводы, подвергнутые сопоставительному анализу.

В результате исследования установлено, что в медиапереводе наиболее часто используются такие трансформации, как калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция, описательный и антонимический перевод. Каждая из них выполняет определенную прагматическую функцию – от сохранения экспрессивности до устранения лексических и культурных барьеров. Выявлены закономерности выбора трансформаций в зависимости от контекста, жанра и целевой аудитории.

Новизна исследования заключается в обобщении и систематизации практических приемов перевода с учетом специфики медиадискурса. Полученные результаты могут быть использованы в теории и практике перевода, при подготовке переводчиков СМИ, а также в курсах по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Ключевые слова: лексико-семантические трансформации, медиадискурс, перевод, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция, экспликация, антонимический перевод, стилистическая эквивалентность

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью точной и выразительной передачи смыслов при переводе англоязычных медиатекстов на русский язык. Медиадискурс отличается высокой степенью экспрессивности, наличием культурных реалий, неологизмов, оценочной лексики и стилистических средств. Переводчик сталкивается с задачей сохранить коммуникативную функцию оригинала, адаптировав его под нормы и ожидания целевой аудитории. В таких условиях лексико-семантические трансформации становятся неотъемлемой частью переводческого процесса.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации лексико-семантических трансформаций, применяемых при переводе англоязычного медиадискурса на русский язык.

Для достижения цели были определены следующие задачи: охарактеризовать специфику медиадискурса как объекта перевода; рассмотреть и проанализировать основные типы лексико-семантических трансформаций в переводе медиатекстов; исследовать их функции и закономерности использования в медиaperеводe, проанализировать конкретные примеры из актуальных медиатекстов и их переводов.

Методологическую основу составляют положения теории перевода и исследования по лексико-семантическим трансформациям в медиадискурсе (Комиссаров, Рецкер, Бархударов, Володина, Буряк, Пащенко), а также сравнительный анализ публикаций новостных изданий The New York Times, CNN, The Atlantic, The Telegraph, The Guardian, а также их переводов на русский язык, опубликованных на сайте новостного портала «ИноСМИ.RU».

При отборе материала приоритет отдавался текстам, имеющим перевод на русский язык, содержащим яркие примеры лексико-семантических преобразований и демонстрирующим разнообразные грамматические конструкции. Анализ проводился на основе сопоставления оригинала и его перевода с целью установления использованного трансформационного приема. Настоящее исследование ограничено рамками письменного новостного дискурса, не включая устные формы и видеоконтент.

1. Теоретические основы изучения лексико-семантических трансформаций при переводе медиадискурса

Исследователи выделяют широкий спектр лексико-семантических трансформаций, направленных на обеспечение адекватности перевода в условиях межъязыковой асимметрии. Наиболее распространенная классификация включает такие трансформации, как описательный перевод, антонимический перевод, компенсация и лексическая замена. Считается, что именно эти способы позволяют сохранить коммуникативную цель и прагматику оригинала. Некоторые исследователи относят антонимический перевод и компенсацию к лексическим трансформациям, подчеркивая их значимость для передачи экспрессии и оценки. Значительное внимание уделяется также экспликации – способу передачи значения

путем развернутого пояснения, особенно актуальному в случае безэквивалентной лексики [1, 16].

Среди наиболее часто используемых трансформаций называются конкретизация, генерализация и модуляция. Исследователи отмечают, что конкретизация позволяет сузить значение исходной единицы, делая перевод более точным [6, 207], в то время как генерализация направлена на расширение семантики [6, 208]. Модуляция же трактуется как логически оправданная замена, отражающая смысловую суть оригинала [2, 91].

Ряд авторов подчеркивает важность контекстуальной замены – выбора такого соответствия, которое адекватно отражает ситуацию в тексте перевода [1, 16]. Такая трансформация становится особенно значимой при работе с многозначными единицами, идиомами и политически окрашенной лексикой.

В контексте медиадискурса особое внимание уделяется передаче метафор и фразеологизмов. Согласно работам исследователей, существуют различные стратегии перевода метафор: сохранение, адаптация, калькирование, замена и опущение. Выбор конкретного способа зависит от наличия эквивалента в языке перевода и от прагматических задач текста [8, 44–49].

Перевод фразеологизмов также поддается различным стратегиям: использование эквивалентов, аналогов, калькирование и экспликация. Такие трансформации позволяют сохранить образность, оценочность и коммуникативную направленность оригинала. Стилистическая адаптация как форма лексической трансформации применяется при замене экспрессивных средств нейтральными, либо наоборот – при усилении стилистического эффекта [3, 75–76].

Значительная часть современных исследований посвящена переводам неологизмов и окказионализмов. Многочисленные исследования лингвистов указывают на продуктивность таких приемов, как транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, прямое включение и семантические замены. Эти трансформации применяются с учетом степени ассимиляции заимствованных единиц, их употребительности и наличия культурных коннотаций [4, 92–96].

Особое место в медиaperеводe занимает экспликация. Она используется при передаче реалий, названий и сокращений, которые непонятны русскоязычному читателю без дополнительных пояснений [7, 205–207]. Противоположная по направленности

трансформация – имплицитация – предполагает опущение очевидных или избыточных для аудитории деталей [2, 135].

В современных подходах к медиапереводу прослеживается тенденция к гибкому сочетанию трансформаций. Так, комбинирование калькирования с транслитерацией (например, при передаче сложносоставных неологизмов) позволяет сохранить как форму, так и знаваемость термина [5, 16–18]. Компенсация, как отмечают исследователи, важна при передаче утраченных элементов экспрессии в другом фрагменте текста [6, 209].

2. Практическое исследование лексико-семантических трансформаций при переводе медиадискурса

Проведенный сравнительный анализ новостных текстов англоязычного медиадискурса и их переводов на русский язык продемонстрировал, что наиболее часто в медиапереводе применяется прием калькирования.

Один из примеров лексической кальки можно наблюдать в статье *The Telegraph*, где метафорическое выражение “America First bandwagon” было переведено как «подножка отходящего вагона 'Америка превыше всего'» [10]. В этом случае дословная передача образа сохранена, однако финальный вариант звучит менее естественно для русскоязычного восприятия. Использование калькирования в данном случае направлено на сохранение оригинальной метафорики и политико-культурной коннотации лозунга.

Метафорическая структура сохраняется и при переводе заголовка из *The New York Times* – “America is Sleepwalking into an Economic Storm”. Перевод «Америка слепо бредет к экономической буре» демонстрирует буквальное воспроизведение образа “sleepwalking into”, что позволяет передать образное содержание оригинала [9]. Цель применения кальки в данном случае – передача тревожной интонации и метафорической выразительности, характерной для публицистического стиля.

Конкретизация также занимает заметное место среди используемых трансформаций. К примеру, в той же статье *The Telegraph* оборот “foreign direct investment frenzy” в переводе преобразован в «истерия 'прямых иностранных инвестиций'» [10]. Таким образом, русский вариант усиливает эмоциональный компонент высказывания, в то время как в английском тексте подобная оценочность выражена слабее. Прием конкретизации здесь

используется для усиления экспрессивности и критической окраски, соответствующей тону статьи.

Политическая лексика также демонстрирует тенденцию к конкретизации. Так, в статье CNN, посвященной выступлению Байдена, фраза “a seismic, era-defining moment” получила интерпретацию как «эпохальное, судьбоносное событие» [11]. Здесь буквальное значение слова “seismic” заменено на метафорический эквивалент, что делает высказывание более приемлемым для русскоязычного читателя. Данный прием позволяет адаптировать культурно маркированное выражение к восприятию целевой аудитории, устраняя возможные барьеры понимания.

Не менее широко используется генерализация, способствующая адаптации текста для широкой аудитории. Пример тому – статья *The New York Times*, где выражение “a columnist in *The Sunday Times* of London” было переведено как «обозреватель *The Sunday Times* высмеял её» [14]. Конкретизация “of London” в русском тексте опущена, поскольку она не несет значимой информации для целевой аудитории. Генерализация здесь используется для устранения избыточной информации и повышения читаемости текста.

Генерализация нередко применяется и в ситуациях, где требуется устранить реалии, непонятные русскоязычному читателю. Так, в статье *The Telegraph* перечисление дисциплин “triathlon, open water swimming and paratriathlon” трансформируется в соревнования по триатлону, плаванию в открытой воде и паратриатлону» [13]. Это позволяет сохранить содержание без излишнего усложнения. Цель использования генерализации – упростить сложную терминологию и сгладить различия в спортивной классификации.

Метод модуляции встречается при передаче субъективных суждений. Например, в публикации *The Guardian* выражение “a consensus view is emerging that the coming European elections in June are a disaster in the making” было адаптировано как «сформировался консенсус, что предстоящие выборы в июне – надвигающаяся катастрофа» [12]. Таким образом, более осторожная формулировка оригинала заменяется на категоричную. Модуляция используется для усиления эмоционального воздействия и выразительности в политическом контексте.

Сходный прием использован и при передаче количественных характеристик. В материале *The Times* утверждение “We had some of the highest inflation in the last 20 years in the last four years” преобразовано в «В последние четыре года у нас была, пожалуй,

высочайшая инфляция за прошедшие 20 лет», что усиливает степень оценки по сравнению с исходным текстом [16]. Модуляция в данном случае придаёт высказыванию определённую, усиливая его оценочный характер.

Когда в оригинале содержатся сложные или неэквивалентные понятия, переводчики прибегают к описательной передаче. Например, в статье *The Guardian* неологизм “polycrisis” переведен как «ситуация, когда сразу несколько кризисов развивается одновременно», поскольку в русском языке отсутствует однозначный аналог [12]. Описательный перевод используется для разъяснения термина и предотвращения потери смысла.

Подобный подход используется и при интерпретации скрытых значений. Так, в тексте *The Telegraph*, где речь идет о мерах безопасности на Олимпиаде, выражение “security services for 'dubious associations'” трансформируется в «увольнении тысяч людей из-за сомнительных связей» [13]. Конкретизация подразумеваемого значения делает высказывание более точным и понятным. Применение описательного перевода здесь направлено на раскрытие подтекста и устранение возможной двусмысленности.

Антонимическая трансформация также входит в число часто используемых методов. В публикации *The Guardian* фраза “People are unwilling to support radical changes” была передана как «Люди склонны выступать за стабильность», что представляет собой интерпретацию через противоположный по значению эквивалент [12]. Цель применения антонимического перевода – сгладить прямое отрицание и придать высказыванию более позитивный оттенок.

Иногда антонимический перевод используется для усиления эмоциональной окраски текста. Так, в статье *The Atlantic* высказывание “AI is not always a force for good” переведено как «ИИ может стать угрозой», что представляет собой переосмысление оригинала с противоположной точки зрения, усиливающее эффект воздействия [15]. Здесь антонимическая трансформация служит для драматизации высказывания и акцентирования потенциальной опасности.

Смысловое развитие, или экспликация, позволяет акцентировать отдельные значения. В статье *The Telegraph* конструкция “to stand in betimes with the conquering American” была интерпретирована как «встать в ряды завоевателей-американцев», усиливая милитаристскую метафору [10]. Смысловое развитие используется с целью усиления метафорического посыла и привлечения внимания к политической интерпретации события.

Ещё один пример смыслового расширения можно найти в статье *The Guardian*, где оборот “the right’s real advantage in the coming elections” представлен в переводе как «реальный перевес правых на предстоящих выборах». Использование слова «перевес» добавляет значимости по сравнению с нейтральным “advantage” [12]. Данный прием направлен на усиление воздействия на читателя и акцентирование неравного положения сторон.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены и систематизированы основные лексико-семантические трансформации, используемые при переводе англоязычного медиадискурса на русский язык. Выполнение поставленных задач позволило охарактеризовать медиадискурс как особый объект перевода, отличающийся стилистическим разнообразием, высокой степенью экспрессии и насыщенностью культурно-специфичных элементов.

На основе анализа теоретических источников и практического материала установлено, что наиболее востребованными трансформациями являются калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция, описательный и антонимический перевод. Эти приемы выполняют не только функцию передачи значения, но и способствуют сохранению экспрессивности, адаптации текста к культурным ожиданиям целевой аудитории и устранению барьеров межъязыкового восприятия.

Полученные результаты подтверждают, что лексико-семантические трансформации играют ключевую роль в обеспечении адекватности и эффективности медиаперевода.

Список источников

1. Гейко Н. Р. Закономерности и критерии перевода общественно-политической лексики в публицистическом дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2020. 24 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. Еремина Н. В., Крапивина М. Ю. Стилистические особенности перевода английских газетно-публицистических текстов // Вестник ТГПУ. 2019. № 5 (202). С. 71–78.
4. Пащенко М. В. Специфика перевода неологизмов в современных текстах СМИ с английского языка на русский //

Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. Вып. №3. С. 92–100. DOI: 10.55000/APPiP.2022.21.27.015

5. Рзаева С. М. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале онлайн-газет и социальных сетей): 10.02.20: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 22 с.

6. Спиридовский О. В., Яковлева И. Н. Переводческие трансформации и стратегии перевода в сфере политической коммуникации (на материале англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 205–210.

7. Тимко Н. В. Стратегии экспликации и имплицирования при переводе заголовков статей СМИ с английского языка на русский // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. № 204. С. 203–208.

8. Яковлева И. Н., Колесникова В. С. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно-популярном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 41–50.

9. Asemoglu D. America Is Sleepwalking into an Economic Storm // The New York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/17/opinion/economy-us-aging-work-force-ai.html> (дата обращения: 31.03.2025).

10. Coburn P. It's time to become the 51st state of the US // The Telegraph. 2024. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/12/26/51st-state-usa-trump-starmer-eu-special-relationship/> (дата обращения: 31.03.2025).

11. Hunt K. Cave discovery shakes up our understanding of the Stone Age // CNN. 2024. URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/10/world/stone-age-earliest-amputation-science-newsletter-wt-scnc/index.html> (дата обращения: 31.03.2025).

12. Krastev I., Leonard M. Which 'crisis tribe' do you belong to? These five factions will define Europe in 2024 // The Guardian. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/22/crisis-tribe-europe-2024-european-elections> (дата обращения: 31.03.2025).

13. Moutet A.-E. The Olympics are set to be Macron's final humiliation // The Telegraph. 2024. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/07/19/the-olympics-are-set-to-be-macrons-final-humiliation/> (дата обращения: 31.03.2025).

14. Tufekci Z. Kate Middleton's Story Is About So Much More Than Kate Middleton // The New York Times. 2024. URL:

<https://www.nytimes.com/2024/03/13/opinion/kate-middleton-scandal.html>
(дата обращения: 31.03.2025).

15. Wong M., Warzel C. The iPhone Is Now an AI Trojan Horse // The Atlantic. 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2024/06/apple-generative-ai-wwdc/678648/> (дата обращения: 31.03.2025).

16. Yeomans J. Trump tariffs: president will risk trade war, says Mike Pompeo // The Times. 2025. URL: <https://www.thetimes.com/uk/politics/article/trump-tariffs-news-canada-china-mexico-1879z012n?region=global> (дата обращения: 31.03.2025).

REFERENCES

1. Geiko N. R. Zakonomernosti i kriteriya perevoda obshchestvenno-politicheskoy leksiki v publicisticheskom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Patterns and Criteria of Translating Socio-Political Vocabulary in Journalistic Discourse (Based on the Material of Russian and English Languages): Abstract of PhD Dissertation in Philology]. Ufa, 2020. 24 p. (In Russ.)

2. Garbovskiy N. K. Teoriya perevoda: Uchebnik. 2-e izd. [Translation Theory: A Textbook. 2nd ed.]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2007. 544 p. (In Russ.)

3. Yeremina N. V., Krapivina M. Yu. Stilisticheskie osobennosti perevoda angliyskikh gazeto-publicisticheskikh tekstov [Stylistic Features of Translating English Newspaper and Journalistic Texts] // Vestnik TGPU [Bulletin of Togliatti State Pedagogical University]. 2019. No. 5 (202). Pp. 71–78. (In Russ.)

4. Pashchenko M. V. Spetsifika perevoda neologizmov v sovremennykh tekstakh SMI s angliyskogo yazyka na russkiy [Specifics of Translating Neologisms in Contemporary Media Texts from English into Russian] // Povolzhskaya akademiya obrazovaniya i iskusstv [Volga Academy of Education and Arts]. Tolyatti, 2022. Pp. 92–100. (In Russ.)

5. Rzaeva S. M. Osobennosti perevoda neologizmov s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale onlayn-gazet i sotsial'nykh setey): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Features of Translating Neologisms from English into Russian (Based on the Material of Online Newspapers and Social Networks): Abstract of PhD Dissertation in Philology]. Mytishchi, 2021. 22 p. (In Russ.)

6. Spiridovskiy O. V., Yakovleva I. N. Perevodcheskie transformatsii i strategii perevoda v sfere politicheskoy kommunikatsii (na materiale angloyazychnykh SMI) [Translation Transformations and Strategies in Political Communication (Based on the Material

of English-Language Media] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Grammat, 2020. Vol. 13, No. 10. Pp. 205–210. (In Russ.)

7. Timko N. V. Strategii eksplykatsii i implitsitirovaniya pri perevode zagolovkov statey SMI s angliyskogo yazyka na russkiy [Strategies of Explication and Implication in Translating Headlines of Media Articles from English into Russian] // *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia VGPU. Philological Sciences]. 2021. No 204. Pp. 203–208. (In Russ.)

8. Yakovleva I. N., Kolesnikova V. S. Sokhranenie ekspressivnosti pri perevode metafory v nauchno-populyarnom tekste [Maintaining Expressiveness in Translating Metaphors in Popular Science Texts] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2020. No. 1. Pp. 41–50. (In Russ.)

9. Acemoglu D. America Is Sleepwalking into an Economic Storm // *The New York Times*. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/17/opinion/economy-us-aging-work-force-ai.html> (дата обращения: 31.03.2025). (In Eng.)

10. Coburn P. It's time to become the 51st state of the US. *The Telegraph*. 2024. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/12/26/51st-state-usa-trump-starmer-eu-special-relationship/> (accessed: 31.03.2025). (In Eng.)

11. Hunt K. Cave discovery shakes up our understanding of the Stone Age // *CNN*. 2024. URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/10/world/stone-age-earliest-amputation-science-newsletter-wt-scni/index.html> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)

12. Krastev I., Leonard M. Which 'crisis tribe' do you belong to? These five factions will define Europe in 2024 // *The Guardian*. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/22/crisis-tribe-europe-2024-european-elections> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)

13. Moutet A.-E. The Olympics are set to be Macron's final humiliation // *The Telegraph*. 2024. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/07/19/the-olympics-are-set-to-be-macrons-final-humiliation/> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)

14. Tufekci Z. Kate Middleton's Story Is About So Much More Than Kate Middleton // *The New York Times*. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/03/13/opinion/kate-middleton-scandal.html> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)

15. Wong M., Warzel C. The iPhone Is Now an AI Trojan Horse // The Atlantic. 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2024/06/apple-generative-ai-wwdc/678648/> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)
16. Yeomans J. Trump tariffs: president will risk trade war, says Mike Pompeo // The Times. 2025. URL: <https://www.thetimes.com/uk/politics/article/trump-tariffs-news-canada-china-mexico-l879z0l2n?region=global> (accessed 31.03.2025). (In Eng.)

**LEXICO-SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING
ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE INTO RUSSIAN**

Kirill S. Glavnov

Master's student. Kazan Federal University / Institute of Philology
and Intercultural Communication (Kazan, Russia)

Aida R. Nurudinova

Candidate (Pedagogical Science) Kazan Federal University, Department
of Contrastive Linguistics, (Kazan, Russia)

Abstract

The article is devoted to the study of lexico-semantic transformations used in translating English-language media discourse into Russian. The relevance of the research stems from the growing role of media texts in intercultural communication and the need for accurate and adequate transfer of information while considering sociocultural differences and stylistic norms of the target language. Media discourse, as a subject of translation, is characterized by a high degree of expressiveness, a rich use of culturally marked vocabulary, and a frequent presence of neologisms. These features demand that translators employ flexible and multi-level transformation strategies.

The aim of this study is to identify and systematize the most productive lexico-semantic transformations applied in media translation practice. The methodological foundation of the work is based on principles of comparative analysis between source and translated texts, as well as key concepts from translation theory developed by Komissarov, Retzker, Barkhudarov, and other scholars. The empirical base includes authentic English-language media texts and their Russian translations, which were analyzed comparatively.

The study reveals that the most frequently used transformations in media translation include calque, concretization, generalization, modulation, descriptive translation, and antonymic translation. Each of these techniques serves a specific pragmatic function – from preserving expressiveness to overcoming lexical and cultural barriers. The research

К. С. Главнов, А. Р. Нурутдинова

also identifies patterns in the choice of transformation strategies depending on context, genre, and target audience.

The novelty of the study lies in the generalization and systematization of practical translation techniques, taking into account the specificity of media discourse. The results obtained can be applied in both translation theory and practice, in the training of media translators, as well as in courses on intercultural communication and linguistic and cultural studies.

Keywords: lexico-semantic transformations, media discourse, translation, calque, concretization, generalization, modulation, explication, antonymic translation, stylistic equivalence

Для цитирования: Главнов К. С., Нурутдинова А. Р. Лексико-семантические трансформации в медиаперевод: стратегии адаптации англоязычного дискурса для русскоязычной аудитории «Линия судьбы» Елизаветы Дьяконовой в «Сюжетах» ее «Дневника» // *Libri Magistri*. 2025. № 3 (33). С. 76–88.

Поступила в редакцию 10.07.2025

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в тридцать четвертом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **4 номера 2025** (тридцать четвертого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в декабре 2025 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 96-04/2023).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности **не менее 70%**.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **ORCID** автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образцы.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация – все на английском языке**. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>; на сайте журнала <http://lm.magtu.ru/#2022>.

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу **rudakovamasu@mail.ru**

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2025. 3 (33)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+,
в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 15.09.2025. Подписано в печать 21.09.2025.

Дата выхода 30.09.2025.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл. печ. л. 6,00.

Тираж 500 экз. Заказ 294.

Цена свободная.